Новое
в жизни,
науке,
технике

Подписная
научно-
популярная
серия

3'90

Философия и жизнь

А. Н. Нысанбаев
Ф. М. Сулейманов

ОТ «ЕДИНОМЫСЛИЯ» К ПЛЮРАЛИЗМУ МНЕНИЙ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

(Прежнее название серии «Философия»)

3/1990

Издается ежемесячно с 1960 г.

А. Н. Нысанбаев,
член-корреспондент АН Казахской ССР,
доктор философских наук

Ф. М. Сулейманов,
кандидат философских наук

ОТ «ЕДИНОМЫСЛИЯ» К ПЛЮРАЛИЗМУ МНЕНИЙ

(БЕСЕДЫ О ПУТЯХ К СОЦИАЛЬНОМУ ДИАЛОГУ)

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 66.017.88
Н 91

Авторы: НЫСАНБАЕВ Абдумалик Нысанбаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философских вопросов естествознания Института философии и права АН Казахской ССР;

СУЛЕЙМАНОВ Фарит Мустафович — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права АН Казахской ССР.

Редактор: *КРАВЦОВА Л. К.*

Нысанбаев А. Н., Сулейманов Ф. М.

Н 91 От «единомыслия» к плюрализму мнений (Беседы о путях к социальному диалогу). — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия»; № 3).

ISBN 5-07-001233-9

15 к.

В чем суть тех идеологических искажений марксизма-ленинизма, которые обусловили становление командно-административной системы и десятилетиями лежали в основе социального жизнеустройства, по существу отвергавшего многообразие мнений и устанавливавшего «единомыслие» в нашем обществе? В чем суть феномена идеологизированной науки, которая оправдывала политический субъективизм «казарменного социализма» и эпохи застоя? Анализируя различные точки зрения, которые сегодня высказываются при обсуждении этих проблем, авторы приглашают читателей принять участие в дискуссии о путях возрождения нашего общества через отказ от нетерпимости к инакомыслию и широкий социальный диалог.

0301020000 **ББК 66.017.88**

ОТ РЕДАКЦИИ

Авторы брошюры излагают свою точку зрения на дискутирующиеся в обществе вопросы о роли общественных наук и их ответственности за сложившуюся в стране ситуацию. Обращаем внимание читателей на то, что образы участников условной беседы индивидуализированы, а потому их позиции и суждения (по крайней мере, что касается «журналиста» и «ученого») нельзя считать во всех отношениях типичными для представителей одноименных профессий или областей деятельности. Однако высказываемые ими мысли и оценки, как говорится, имеют хождение в обществе, а вопросы требуют ответов. В книжке такую миссию — ответчика — и принимает на себя «философ». Указанное противопоставление используется авторами как сознательный прием для раскрытия темы. Считая (вместе с авторами) некоторые встречающиеся в брошюре толкования ряда проблем неверными или спорными, требующими серьезной критической проверки, всестороннего обсуждения, редакция приглашает читателей к продолжению конструктивного диалога по рассматриваемым проблемам.

В последнее время среди многочисленных вопросов, активно обсуждаемых на страницах массовой печати, в теле-

визионных и иных аудиториях, все чаще затрагивается вопрос об ответственности нашей советской науки, особенно обществоведения, за то кризисное состояние, в котором оказалось общество. При этом выступления профессиональных представителей нашей науки почти полностью перекрываются эмоциональными голосами писателей, журналистов, народных депутатов, просто людей с активной жизненной позицией, которые спешат предъявить своеобразный счет от лица народа, выявить, а желательно и изобличить персонально тех, кто своей теоретической аргументацией оправдывал ошибочные политические решения по преобразованию как социального, так и природного бытия. В пылу происходящей полемики неизбежно возникают и своеобразные перехлесты, к числу которых относятся, например, предложения полностью отказаться от нашего обществоведения как якобы хранителя лишь духа консерватизма и догматизма, ликвидировать его и перевести науку об обществе из гуманитарной в естественнонаучную сферу, что, по мысли некоторых авторов, позволит исключить саму возможность повторения глобальных ошибок прошлого. Так ли это на самом деле?

Для того чтобы попытаться более аргументированно ответить на подобного рода вопросы, необходимо, по нашему мнению, внимательно выслушать и проанализировать различные точки зрения, собрав за одним столом представителей широкого общественного мнения ученых, исследующих различные грани социального механизма, и, конечно же, философов, традиционно считавшихся наиболее компетентными участниками обсуждения таких проблем. За годы перестройки, особенно после первого Съезда народных депутатов СССР, мы увидели, как мучительно трудно преодолевается создаваемая десятилетиями идеологическая установка, вполне созвучная мечте щедринского героя о введении «единомыслия в России», для реализации которой в нашем обществе ничего, а главное — никого не жалели. В современный период уже расколотого, но еще не преодоленного социального «единомыслия», как никогда, важны поиски исторических путей к достижению принципиально иного единства общества, ориентированного на гармонизацию интересов и достойный уровень жизни народа через признание права каждого гражданина нашей страны на участие в свободном со-

циальном диалоге, в принятии на этой основе политических решений, реально выражающих волю большинства советских людей.

В определенной мере выразителями массового общественного мнения в условиях расширяющейся гласности и демократизации оказались журналисты, которые все меньше «стесняются» задавать самые острые социальные вопросы. Не случайно одним из участников нашей условной и, казалось бы, теоретической дискуссии является журналист, умеющий кратко, информативно, а главное, честно вести социальный диалог. Ведь важно, по нашему убеждению, всегда пытаться предельно честно отвечать на возникающие вопросы, так как в противном случае просто невозможно серьезно вести речь о сломе сложившегося механизма торможения и реальном преодолении кризисного состояния общества.

...Вспомним одну известную китайскую легенду. Как она повествует, жил некогда один господин, который очень любил небесного дракона; во всяком случае, говорил, что любит. Все его жилище было украшено изображениями этого дракона, лозунгами в его честь. Узнав об этом, реальный небесный дракон решил навестить господина, который, вещая от его имени, обеспечивал себе всеобщее почитание и, разумеется, безбедную жизнь. Увы, как только страшное чудовище возникло перед взором этого господина, он сразу же забыл о своей любви и в ужасе бросился бежать... К сожалению, привыкнув жить в условиях своеобразного социального мифа с его видимостью правды, многие из нас, впервые узрев в эпоху гласности действительную правду, ужасаются не в меньшей степени, чем этот китайский господин, и так же стремительно бегут от нее. Почему? Поразмышлять над этим и другими вопросами мы и приглашаем читателей.

Беседа 1.

У ИСТОКОВ НАШЕГО ОБЩЕСТВА

Журналист. В первой нашей беседе мне хочется начать с общего и в то же время всех нас волнующего вопроса о том, почему перестройка, которая уже пятый

год разворачивается во всех сферах общества, так медленно приносит ощутимые для народа результаты?

В последнее время в периодической печати все чаще мелькают мнения о том, что прежде чем заниматься текущим ремонтом, необходимо вернуться и проанализировать основополагающие идеи, лежащие в основании социального проекта, так как некоторые из них попросту невозможно реализовать в действительности. Насколько правомерно искать корни нынешних трудностей в предыстоках нашего общества, ведь современный капитализм, как приходится слышать сегодня, вроде бы избавился от многих своих родимых пятен, тогда как у нас некоторые из них превратились в настоящие нарывы? В этой же связи хочется обсудить вопрос об истоках отечественной обществоведческой теории, так как на журнальных страницах все чаще высказываются убеждения в невозможности возрождения общества при сохранении «евангелия от Маркса—Ленина» в качестве непререкаемого теоретического канона.

Ученый. Прежде чем попытаться высказать свое мнение по теме дискуссии, мне бы хотелось обратить внимание на такую особенность командно-административной системы, как почти полное отсутствие традиции обращения к науке для обоснования и контроля правомерности принимаемых обществом глобальных решений. Речь идет о том, что только в последние годы возник серьезный разговор о необходимости научной экспертизы в области обществоведения, в частности, через развитие глобалистики и политологических исследований, независимых хотя бы в определенной степени от господствующих идеологических интересов и государственных установок. Стало ясно, что в противном случае наше общество просто обречено расплачиваться за, мягко скажем, недостаточную компетентность политических решений. Казалось бы, формально все в порядке, так как наука признается ответственной за удовлетворение (а часто за неудовлетворение) общественных нужд, у ее представителей спрашивают совета на определенном уровне изучения социальной проблемы. Но окончательно часто принимаются решения, прямо противоположные научным рекомендациям, с учетом прежде всего интересов сложившейся иерархической пирамиды власти, которая монополизировала право на истину, перечеркивая объективность идеологическими критерия-

ми. Трудность выправления такого положения заключается в том, что мы уже привыкли к самому феномену идеологизированной науки, в рамках которого кажется естественной подобная инструментальная функция научного знания в обществе. Почему? Для того чтобы понять это, нам нужно вспомнить о том, какие метаморфозы произошли с наукой в нашем обществе.

В сегодняшней литературе уже появляются публикации, в которых авторы ставят закономерный вопрос о связи между процессом идеологизации науки и последующими трагическими событиями, которые коснулись практически всех фундаментальных направлений советской науки — от генетики до кибернетики, исключив исследование самых актуальных проблем и вычеркнув из жизни многих талантливых ученых. Если искать корни этих социальных явлений, то, на мой взгляд, нужно начать непосредственно с послереволюционной эпохи, то есть с 20-х гг., когда начали складываться очень непростые отношения поредевшего в огне революции, но в целом сохранившегося научного сообщества и новых институтов власти. Необходимость обеспечения нужд возрождающейся после эпохи «военного коммунизма» страны объективно требовала массового привлечения образованных людей, или, как тогда говорили, «буржуазных специалистов», к числу которых были отнесены и многие ученые. Подавляющему большинству политического руководства страны такая мера представлялась как сугубо временная, то есть допустимая лишь на период подготовки собственной рабоче-крестьянской интеллигенции, которая должна была постепенно заменить «чуждых по классу» специалистов. В этой связи предпринимались усилия по количественному форсированию подготовки научных кадров, причем прежде всего обращалось внимание на социальное происхождение обучаемых, что, как правило, перекрывало дорогу в науку не только выходцам из эксплуататорских классов, но представителям всех пластов традиционной российской интеллигенции.

Пусть не обижается на меня наш коллега по дискуссии — философ, но, вероятно, в самой основе реализуемого в стране социального проекта лежало фундаментальное требование установления общественного единомыслия как необходимой предпосылки построения нового общества. Во всяком случае, инакомыслие почти сразу же стало преследо-

ваться, а публичное отстаивание своего мнения заканчивалось весьма плачевно, особенно для представителей гуманитарных и обществоведческих наук. Если вначале идея создания пролетарской науки, сердцевиной которой является принцип партийности, была выработана для обществоведения, то уже с начала 30-х гг. она проникает повсюду, включая естествознание. По сути дела, наука была отождествлена с идеологией, а так как последняя является выразителем классовых интересов, то та же характеристика стала относиться к науке. Появились лозунги диалектизации, а фактически «большевизации» науки, превращения ее, как тогда говорили, в «верное оружие в руках партии». Отсюда — утверждение о том, что математика, физика, биология и другие естественные науки так же партийны, как экономика и обществоведение, что означало на деле перечеркивание объективных критериев для оценки получаемых результатов идеологическими.

По сути дела, эпоха «великого перелома» явилась временем массовой коллективизации не только в сельском хозяйстве, так как «середняк» повалил не только в колхозы, но и в научные учреждения. Причем раболепство, доносительство и политическое прислужничество явились теми необходимыми качествами, которые надежно гарантировали преуспевание таких «средних ученых». Массовые репрессии 30-х — начала 50-х гг. способствовали быстрой служебной карьере этой категории, так как по странной иронии судьбы, не без помощи, разумеется, своих же коллег, в лагерях зачастую оказывались самые талантливые, имеющие свой, независимый взгляд на вещи и в силу этого опасные для господствующей тоталитарной системы. Такое положение было характерно и для Академии наук СССР, в которую, как известно, были избраны не только Сталин, Молотов, Вышинский, но и многие функционеры рангом поменьше. Так, по поводу одного из них, избранного по специальности «китайская филология», шутили, что при всех своих политических достоинствах у него лишь один «мелкий недостаток» — он совершенно не знает китайского языка. Именно возникновение такой идеологизированной науки в нашей стране во многом предопределило появление сегодняшних социальных проблем.

Философ. Трудно не согласиться со многим из того, что

сказано моими собеседниками. Однако для более углубленного подхода к проблеме необходимо обратиться прежде всего к философии. Почему? Дело в том, что разговор о наших сегодняшних проблемах действительно нужно начинать с анализа теоретических предыстоков реализованного в обществе (разумеется, можно спорить, в какой степени) социального проекта. То, что человек живет не в лучшем из социальных миров, люди заметили очень давно. Еще тысячелетия назад выдающиеся мыслители различных исторических эпох и культур пробовали обрисовать контуры того общества, которое явилось бы земной реализацией общечеловеческой мечты о свободе и социальной справедливости. Люди могли бы жить в таком «царстве свободы», если бы... И тут назывались различные пути достижения искомой цели, которые ориентировались либо на «революцию в сознании» отдельного человека, либо на «социальную революцию», хотя, разумеется, возникали и компромиссные подходы.

В рамках европейской культурной традиции еще Платон создал модель идеального государства, так называемого социал-органического типа, то есть такого, в котором устанавливается жесткая кастовая субординация индивидов по образцу общественного, точнее государственного, организма. Вряд ли кто-нибудь из нас добровольно согласился бы жить в таком обществе, в котором все права человека полностью поглощены государством, включая сюда и регламентацию интимной сферы, да еще надо и публично выражать чувство личностного восторга от приобщения к общественному целому. В практической реализуемости платоновского замысла, впрочем, стал сомневаться уже его ученик Аристотель, который, в частности, вполне резонно замечал, что для обычного человека «свое» гораздо ближе, чем «общее», поэтому трудно надеяться на добровольное объединение людей в такое «идеальное» государство.

Но если люди не хотят добровольно идти к своему счастью в силу собственного невежства, а, что еще хуже (для автора социального проекта), имеют об этом самом счастье иное представление, то, может быть, их нужно просто заставить? Во всяком случае, и такие мысли приходили в головы многочисленным социальным реформаторам, а кое-что реализовывалось и на практике. Особенно типичной оказалась подобная насильственная реализация для нашего XX в.,

в котором волны социальной мифологии самого различного оттенка буквально захлестывали человечество, приглашая его войти в «царство свободы», дорога к которому, увы, проходила через мрак и ужас массового террора по отношению к инакомыслящим, а то и просто случайным жертвам глобальных общественных экспериментов.

Однако, несмотря на социальную практику периода сталинских лагерей, «культурной революции» в Китае или эпохи полпотовского геноцида в Кампучии, нельзя не признать могущественности самой идеи социализма, которая вопреки утверждению критиков марксизма не является плодом интеллектуальной фантазии, лишенной исторических перспектив. Истоком марксистской теории преобразования общества явился анализ классического буржуазного строя, для которого характерен процесс отчуждения и самоотчуждения человека, превращения его из действительного субъекта исторического развития в некую социумную вещь, в пассивного объекта всеобщего манипулирования, купли и продажи.

В связи с нашим разговором о возникновении феномена идеологизированной науки необходимо вспомнить, что сам Маркс высоко оценивал науку как непосредственную производительную силу общества, форму свободного духовного производства, в котором, преобразовывая природу, человек преобразует сам себя. В то же время он, мягко говоря, критически относился к идеологии, которая понималась как форма корпоративного духовного производства, ориентированного на групповые, классовые и иные ценности с целью поддержания необходимого для правящей элиты уровня серости и «единомыслия» широких общественных масс. Говоря другими словами, наука, по Марксу, так же как нравственность и искусство, относится к миру безусловных общечеловеческих ценностей, а идеология — нет.

Волновала основоположников марксизма и проблема взаимоотношений государства, общества и личности, ведь необходимо было выявить действительные пути, следуя по которым можно снять отчуждение и самоотчуждение человека в реальном историческом процессе. Казалось бы, интересы отдельного человека являются настолько ничтожными по сравнению с общественными, выразителем которых, как правило, выступает государство, что их можно практически не принимать во внимание. На протяжении тысячелетий обще-

человеческой истории, по крайней мере в добуржуазные эпохи, формировалась практически незыблемая убежденность людей в том, что большинство всегда право, а, следовательно, ради интересов целого вполне допустимо пожертвовать интересами любого индивида, а при необходимости и его жизнью. Для буржуазной эпохи с ее индивидуализмом и частной собственностью такая убежденность не характерна (по крайней мере, в европейской буржуазной традиции).

Заметим: в период общественных потрясений жертвовать своими интересами, а в исключительном случае и жизнью по логике вещей должен был каждый гражданин, но в действительности общество всегда как бы раскалывалось на две неравномерные части, одна из которых — так сказать, сверхлюди — почему-то всегда жертвовала не собой, а другой частью людей, чужими интересами. Оказывалось, что так называемые общественные интересы аналогично общественной собственности вовсе не были ничейными, а, по сути дела, являлись групповыми интересами, выдаваемыми за всеобщие. Лишь в условиях демократического гражданского общества возникает массовое осознание того, что каждый индивид должен иметь гарантированные законом личные права, и наоборот, подлинная демократия определяется наличием реальных прав и невозможна вне их свободной реализации. Отчуждение этих естественных прав человека, что было типичным явлением, в частности, в социальной практике и нашего общества, превращает человека в равнодушного к результатам своего труда государственного работника, по сути, в холопа.

Особенно тревожным К. Маркс считал положение, при котором гражданское общество практически полностью поглощается государством авторитарного типа. Если проанализировать исходящую из абсолютизации общества и прежде всего государства позицию принижения личностного бытия человека путем насильственного отчуждения его от ценностей и смыслов реального исторического процесса, то выясняется, что в ее основе лежит воззрение на социум как громадный сверхорганизм и на человека как его крохотную частичку, которая телесно функционирует в виде особого органа, всецело подчиненного деятельности социального целого. Не случайно социумные связи подобного типа Маркс называл социал-органическими, подчеркивал при этом их за-

висимый характер, отсутствие свободного выбора у индивида в таком «человеческом муравейнике», где по традиции устанавливается жесткая регламентация поведения, отступление от которой тут же карается с помощью моральных и юридических санкций. При этом для стабильности общественных структур такого типа очень важным является продуцирование особой социумной мифологии, ориентированной на обожествление всей иерархизированной пирамиды власти и культ верховного правителя — «отца народов». Эта мифология, внедряемая либо в форме традиционного религиозного учения, либо как политическая идеология, в свою очередь, создает особую атмосферу духовности, в которой человек воспринимает общество как свою «большую семью», одинаково заботящуюся обо всех своих «детях», хотя, казалось бы, вполне очевидные факты должны были бы развеять все иллюзии. Исходя из этого, в социал-органических типах социума можно говорить о преимущественно личной зависимости человека от тех или иных общественных структур.

Если проанализировать реальную историю человечества, то можно увидеть, что социумные структуры такого традиционалистского типа господствовали в докапиталистический период общественного развития, хотя и в нашем XX в. отработанные социальные схемы нашли широкое применение в практике различных тоталитарных режимов, в том числе и реализующих идеи так называемого казарменного коммунизма, идеалом которого является создание нового общества путем закрепления всеобщего «единомыслия», унификации, а следовательно, и общей бедности.

Журналист. Все, что вы говорите о теоретических воззрениях К. Маркса, вроде верно, но возникает естественный вопрос о том, почему же социальная модель «казарменного коммунизма», которую отвергали основоположники марксизма, уж очень напоминает о недавней истории нашей страны? Быть может, все-таки правы те, кто говорят на страницах сегодняшней прессы о марксизме как разновидности социальной мифологии, ищут его религиозные корни и даже упоминают о своеобразном «евангелии от Маркса—Ленина»? Кроме того, не совсем ясно, почему Маркс критикует буржуазное общество, которое явно отличалось в лучшую сторону от традиционного сообщества феодального или подоб-

ного ему типа, где внеэкономическое принуждение проявляется через господство личностных форм зависимости индивидов от социального целого, ведь при капитализме человек лично свободен? И наконец, что же такое, по Марксу, коммунизм как цель общественного развития?

Ученый. В этой же связи я хотел уточнить вопрос об объективности социальной модели, предложенной основоположниками марксизма. Где же ее критерий? Не кажется ли вам, что в этой социальной модели слишком много параметров и маловато математики? Что же является, по вашему мнению, критерием истинности в обществоведении, ведь практика далеко не всегда свидетельствует в пользу социализма?

Философ. То, что все вопросы адресованы к моему выступлению, думаю, не случайность, так как обществоведческая проблема — прежде всего социально-философская. Не на все вопросы я, вероятно, сумею ответить полностью, но постараюсь, во всяком случае, обрисовать общую картину.

Начну, если не возражаете, с интересного вопроса о том, почему К. Маркс боролся против буржуазного строя, ведь, казалось бы, именно он обеспечивал гораздо более высокий уровень свободы личности, чем любая предыдущая общественная формация. Так-то оно так, но возникшее капиталистическое общество, обесценивая, разрывая или просто вытесняя на задний план внеэкономические, то есть личностные, формы зависимости индивидов, характерные для феодализма, на их место поставило вещные отношения между людьми, основанные на принципе полезности, или, как выражался Маркс, «всеобщего проституирования». Да, действительно, на этом рынке есть все, потому что все покупается и продается, включая и самого человека, который при этом превращается в социумную (то есть принадлежащую социуму — стоящему над индивидом отчужденному обществу) вещь, имеющую свою индивидуальную цену. Рабочий предлагает свою способность к труду, а профессиональная проститутка несколько иной товар. В обоих случаях оплата зависит от конъюнктуры рынка. Ты мне, я тебе, или, как говорят англичане, «почеши мне спину, и я почешу тебе». Разве же о такой свободе тысячелетиями мечтало человечество?

Ведь ясно же, что общечеловеческий идеал свободы оста-

ется не реализованным и в условиях капитализма, хотя формально провозглашается, что личность наделена всеми «естественными правами от бога», и никто, включая даже государство, не может их отнять. В противоположность предыдущим общественным формациям капитализм исходит из принципа индивидуализма, то есть абсолютизации индивидуального и принижения общественного. Так, социум выглядит как чисто механическое пространство столкновения эгоистических интересов атомарных индивидов, функционирующих по закону полезности, суть которого можно сформулировать через житейскую мудрость: «Живи и давай жить другим». Не случайно, характеризуя буржуазное общество, К. Маркс писал о социал-атомистических социумных связях между людьми, подчеркивая при этом их утилитарный, ценностно безразличный способ функционирования, который реализуется в условиях господства вещных форм зависимости юридически свободных лиц, определяемых законами рыночных капиталистических отношений.

Более того, в реальном капиталистическом обществе социал-атомистические социумные связи тесно переплетаются с социал-органическими, соответственно вещные и личные формы зависимости образуют причудливое сочетание, так как наряду со свободным рыночным предпринимательством все больший удельный вес приобретают жесткие структуры корпоративного типа. Производство средств для универсального личностного развития оказывается сугубо подчиненным моментом процесса производства средств существования, а накопление общественного богатства в его вещной форме рассматривается как главная цель общества. Человек в таком обществе ориентируется на то, чтобы иметь, а не быть, потреблять материальные блага жизни, не задумываясь о более глубоких смыслах бытия, выходящих за пределы сферы повседневной заботы и добывательства. Поэтому, анализируя реальности классического буржуазного общества, Маркс не мог принять его жизненное кредо в качестве реализации общечеловеческого идеала социального мироустройства, а писал о более высоком типе общества, которое придет на смену капитализму.

Относительно попыток перетолковать марксизм как какую-то разновидность социальной мифологии, а то и просто в религиозном духе, необходимо сказать, что они возникли

еще в конце прошлого столетия. В чем же тут дело? Ведь хорошо известно, что сами основоположники марксизма к религии относились очень негативно, а известная фраза Маркса «религия есть опиум народа» впоследствии использовалась некоторыми идеологами в качестве директивного указания на необходимость принятия самых радикальных мер по полному искоренению «мракобесия и дурмана» в массовом народном сознании. И так было буквально до последнего времени. К сожалению, как мы уже осознали, мракобесия было гораздо больше не в религии, как таковой, а в головах многих ответственных товарищей, которые принимали решения об уничтожении уникальных исторических памятников, мотивируя свои действия тем, что такова якобы была принципиальная позиция основоположников марксизма по искоренению церкви как социального института. На самом же деле все обстоит значительно сложнее.

На протяжении тысячелетий истории человеческой культуры ее развитие было тесно связано с религией. Если же говорить об индивидуальном человеке, то он являлся, как образно говорили древние индусы, как бы дважды рожденным, то есть появлялся в мире вначале в своей телесности, а затем формировался как духовное существо. При этом религиозность традиционно воспринималась как суть духовного бытия личности, как то первоначало, приобщение к которому и создает из животного существования подлинно человеческое в гармонии поступка и его оправдания, мира внешнего и внутреннего. Религия не только пронизывала сферу практической деятельности, но зачастую очерчивала и горизонт духовных исканий личности. В этой связи становится ясным, что нельзя, как это делали совсем недавно, полностью отлучать религиозные ценности от культуры, так как в них, без сомнения, содержатся и общечеловеческие черты духовности.

Маркс был убежден, что задача духовного преобразования человека и общества может и должна быть реализована на пути, альтернативном всякой религиозности и социальной мифологии, какими бы благими целями ни мотивировалась необходимость обращения к ним. Поэтому внимание основоположников марксизма привлекла существующая в истории человечества традиция свободомыслия и атеизма, в которой обосновывалось утверждение, что не религия, а фи-

лософия является квинтэссенцией общечеловеческой культуры, сутью духовного бытия личности. Разумеется, мыслилось создание философии принципиально нового типа, способной реализовать идею не только объяснения, но и радикального изменения мира и человека. Не случайно К. Маркс писал, что сам мир должен стать философским, а философия — мирской: только в этих условиях возможен переход человечества из отчужденного «царства необходимости» в «царство свободы». Радикально преобразованная философия должна была стать мировоззренческим ядром подлинно свободной личности, для которой характерна ориентация на гармонизацию общественных и индивидуальных интересов, на построение общества, где всестороннее развитие каждого индивида станет необходимым условием свободного развития всех.

Но был ли прав Маркс в своей оценке религии: ведь до сих пор во многих произведениях, в том числе и в ряде талантливых книг крупнейших писателей нашей страны, в различных мировоззренческих дискуссиях о кризисе общественной нравственности именно Христос часто олицетворяет идеал общечеловеческой духовности, приобщение к которому рассматривается как сверхзадача личностного бытия? Отвечая на этот вопрос, хочется заметить, что признание за религиозными ценностями их общечеловеческого значения вовсе не служит аргументом в пользу исканий в духе богоискательства, богостроительства или объявления всех личностных идеалов сугубо религиозными. Если человек выбирает, в том числе и в нашем обществе, религиозный путь духовного самосовершенствования, то никто не имеет права насильственно препятствовать реализации такой личностной веры. Однако я думаю, каждый должен отдавать себе отчет в том, что в рамках религиозной мироотношенческой ориентации формируется, как правило, догматический тип личности, лишенный духа внутреннего сомнения и потребности к преобразованию окружающей действительности.

Специфика религии — в проникновении в глубинные уровни личностного бытия человека, в преобразующем воздействии как на мироощущение, так и на миропонимание личности, что реализуется верующим в принятии особого образа жизни, специфическом регламентировании своих материальных и духовных запросов. При этом религиозность

(и здесь нам нужно признать это важное обстоятельство) является интегральной составной частью традиционной общечеловеческой культуры, особым способом осознания и освоения человеком мира, той формой общественного сознания, которую нельзя рассматривать как просто заблуждение и антипод истины. Другое дело, что религиозный путь преодоления социумного отчуждения и самоотчуждения личности путем своеобразной «революции в сознании» попросту иллюзорен, так как он не только не ставит вопроса о необходимости разрушения калечащих человека общественных структур, но более того, объективно способствует их сохранению и укреплению. Поэтому Марксу преодоление религиозного отчуждения видится как необходимое условие ликвидации иных форм отчуждения и ступень к подлинной эмансипации человека. Однако сам процесс преодоления религиозности носит противоречивый и очень длительный характер, форсирование же его политическими средствами, как свидетельствует наша недавняя история, приводит к обратному результату резкого всплеска религиозных чувств. Это особенно ярко проявляется в атмосфере разочарования господствующими в командно-административной системе общественными ценностями, когда освободившееся место разрушенных социальных мифов заполняют традиционные религиозные представления.

Отвергая религиозный путь, К. Маркс разрабатывает социально-философское учение о духовном преобразовании общества через пролетарскую революцию, которая мыслилась как совпадение изменения обстоятельств и самоизменения человека, как переход к «царству свободы», то есть к эпохе подлинной истории, начинающейся с освобождения личности от пут отчуждения, самоотчуждения и овещнения. При этом предполагается отмирание социумных структур типа государства и рождение нового общества, в котором свободное развитие каждого действительно станет обязательным условием для свободного развития всех.

В этой концепции Маркса есть очень важное положение, на которое длительное время не обращали должного внимания, а именно о необходимости для успеха революции совпадения изменения обстоятельств и самоизменения человека. Вероятно, эту мысль можно понимать в том смысле, что про-

цесс радикального преобразования действительности должен совпасть с массовой «революцией сознания», без чего ожидать каких-либо результатов от общественного движения трудно. Более того, возможны совсем иные социальные последствия, чем те, которые рисовались теоретическому взору. К этому вопросу, мне думается, нужно вернуться при обсуждении нашей сегодняшней ситуации.

И наконец, на вопрос о том, был ли Маркс идеологом «казарменного коммунизма», можно с полным основанием ответить, что не был. Более того, хорошо известно, что в своих произведениях он специально критиковал его представителей в зарождающемся рабочем движении. Почему же «казарменный коммунизм» (или «казарменный социализм») реализовался в истории, в частности, в нашей стране? Об этом непростом вопросе, думается, нужно продолжить разговор в следующей нашей беседе и там же затронуть проблему критериев истинности социальной модели.

Здесь же хочется коснуться и прозвучавшего вопроса о том, что же такое, по Марксу, коммунизм как цель общественного развития?

Существует точка зрения, что учение о коммунизме для К. Маркса есть очевидный теоретический вывод, следующий из анализа на основе материалистического понимания истории развития общества, в частности, экономической структуры капитализма. В целом можно согласиться с таким объяснением, вместе с тем для полноты картины укажем и на то обстоятельство, что определенная концептуальная идея коммунистического переустройства общества была у Маркса задолго до того, как он вплотную занялся политэкономическим анализом капиталистической формации. К экономическим исследованиям его в определенной степени подтолкнуло поражение европейского революционного движения конца 40-х гг. прошлого столетия. Аналогичная ситуация, если провести своеобразную историческую параллель, возникла, как мы помним, в нашей стране, когда экономический кризис эпохи «военного коммунизма» буквально способствовал появлению ленинской концепции нэпа.

Таким образом, концептуальная идея коммунизма, как мне представляется, возникла поначалу не столько как политэкономическая, сколько как социально-философская и да-

же нравственная, то есть уходящая своими корнями в толщу общечеловеческих этических исканий. Размышляя над проблемой цели исторического развития, над вопросами взаимоотношения человека и общества, Маркс в какой-то степени продолжил традицию поиска этического личностного пути, которая восходит к иным эпохам и типам культуры. Как мы видели, для традиционного типа социума с господством внеэкономического механизма принуждения к труду и форм личной зависимости характерным является отчуждение и самоотчуждение индивида в результате его поглощения обществом, прежде всего в лице государства. С другой стороны, человек не обретает подлинной свободы и при капитализме, в условиях господства форм вещной зависимости, где все социальные мироотношенческие связи сводятся к полезности, личность в процессе самообособления и бегства от общества не сохраняет, а теряет себя. Но что же делать? Как реализовать в историческом процессе какой-то иной путь преодоления отчуждения и самоотчуждения человека, на котором будет исключена как абсолютизация общественного, так и гипертрофия индивидуального?

К. Марксу выход из создавшегося положения виделся в том, чтобы теоретически обосновать возможность альтернативного, принципиально иного, срединного по отношению к исторически реализованным пути общественного развития, на котором социумное измерение истории будет снято социальным, то есть будет реализована идея самоценности бесконечного саморазвития всех человеческих сущностных сил безотносительно к каким-либо внечеловеческим масштабам. В этом случае возникает общество принципиально более высокого коммунистического типа, в котором на смену господству отношений личной или вещной зависимости придут отношения социальной гармонии между людьми, единения человека с природой. Важно подчеркнуть, особенно в современных условиях, что концептуальная идея коммунизма по происхождению своему была связана с общечеловеческой культурой, так как ценности пролетарской революции воспринимались как аккумулированное выражение самого духа освобождения человека от социумных оков. Другое дело, что практическая реализация подобного замысла, как показала наша действительная история, оказалась очень трудной задачей.

Беседа 2.

ЧТО ЖЕ ПРИВЕЛО НАШЕ ОБЩЕСТВО К ИДЕОЛОГИИ «КАЗАРМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА»?

Журналист. В первой беседе были подняты интересные и, как мне думается, важные для сегодняшнего осмысления нашей социальной действительности вопросы. Но, внимательно вслушиваясь в обстоятельную аргументацию уважаемого философа, который взял на себя нелегкую по нынешним временам роль представителя марксистского обществоведения, мне все-таки хочется понять, что же случилось с теорией при ее практическом воплощении в жизнь? Почему у многих заключенных сталинских лагерей, а я в этом просто уверен, даже не возникала мысль о том, что в основе социального проекта нового общества лежали идеи преодоления отчуждения, создания гармонии человеческого общения и т. п. Ведь их мироощущение, скорее всего, было пронизано восприятием страха и ужаса, абсурдности всего того, что происходит с каждым из них. Почему? За что? Эти вопросы буквально переполняли сознание миллионов жертв эпохи сталинизма и продолжают волновать нас — представителей следующих поколений. Была ли историческая альтернатива тому, что произошло в нашем обществе? Как предотвратить всякую возможность рецидивов прошлого в сегодняшней истории? Думается, что будет интересно продолжить диалог именно в этом русле.

Ученый. Так уж получилось, что высказывать свою точку зрения на сформулированные выше вопросы я начал еще в первой беседе, когда речь шла о возникновении феномена идеологизированной науки в нашей стране, которая была таким же результатом деградации духовной культуры, как, например, «чистое» пролетарское искусство или литература. Ясно, что выводы по отношению к обществу такой, с позволения сказать, пролетарской «науки» имеют приблизительно одинаковую ценность и объективность в сопоставлении с арийской или исламской наукой, так как они относятся скорее к социально-мифологической, чем к научной, области. Именно процесс экспансии идеологии во все сферы нашего

общества, вытеснения объективной науки из сферы принятия решений во многом способствовал и возникновению административно-командной системы с ее духом произвола и беззакония, а в дальнейшем привел к стагнации и кризису социально-экономическую структуру страны.

Я не случайно задавал вопрос о критериях объективности и истинности реализуемой социальной модели, на который наш коллега по дискуссии предпочел пока не отвечать. Ведь если (как нам внушали на институтских лекциях) единственный критерий истины — это практика, то как после того, что мы узнали о нашем обществе за годы гласности, можно говорить о непогрешимости идеологизированных толкований, тем более что учение марксизма-ленинизма почти не развивалось, а нередко и искажалось? Нашему обществоведу, думается, нужно брать пример со своего западного коллеги — известного философа Карла Ясперса, который, после того как узнал обо всех ужасах нацизма, помнится, написал специальную книгу о «немецкой вине», то есть ответственности интеллигенции за то, что к власти в Германии пришел фашизм, хотя сам он, разумеется, никакого личного участия в преступлениях не принимал. Не кажется ли, что сегодня нужно говорить об ответственности наших обществоведов за прошлое и нынешнее состояние общества?

Да вы посмотрите вокруг! Многие считают, что враг перестройки — бюрократ. Не нужно смеяться. Бюрократ (в социологическом, а не нравственно-оценочном смысле слова) существует на Западе, где он действительно прекрасно подготовленный специалист-управленец или менеджер, а не у нас? Ведь многих из тех, кого мы видим в наших управленческих кабинетах, простите меня, язык не поворачивается назвать бюрократами, так как они зачастую никакие не специалисты, а о научном управлении имеют самое смутное представление. Кто он такой? Как попал в руководящее кресло, какая таинственная сила его там удерживает? Ну прямо обществоведческая загадка. Только, к сожалению, попыток ее разгадать уважаемый коллега-философ что-то не делает. А ведь наша сегодняшняя массовая бедность — прямой результат того, что все мы слишком долго закрывали глаза на правду, обращая свой теоретический взор к сияющим вершинам «светлого коммунистического завтра», о концептуальных предыстоках которого так убедительно говорилось в пер-

вой беседе. А может, вы думаете, что такая бедность и есть непременный спутник, или, выражаясь вашим философским языком, неотъемлемый признак, атрибут социализма? Если это так, то надо об этом открыто сказать народу. Зачем поддерживать социальные иллюзии? Хотя, вы, конечно, понимаете, что для сохранения общественной стабильности массовые иллюзии очень важны.

Вот вы задаете вопрос о том, что же привело наше общество к идеологии «казарменного социализма»? Нужно, по-моему, его подкорректировать, так как у вас искажается смысл, а поэтому и навязывается неверный ответ. Просто спросите, почему мы пришли к «казарменному социализму», что же нас привело к такому обществу? Я вам отвечу честно: да, конечно же, идеология, включая сюда все обществоведение. Вы спрашиваете, возможны ли в нашем обществе рецидивы прошлого в той или иной форме? Разумеется, возможны, более того, неизбежны, если мы не пересмотрим основы нашей социальной модели.

Вот мы часто говорим о диалектике общественного развития, о философии политики и тому подобных метафорических понятиях, в которые каждый может вкладывать какой угодно смысл. А может быть, нам нужна не диалектика, а, образно выражаясь, социальная математика, то есть полностью математически смоделированная и просчитанная социумная математическая модель? Ведь у нас наконец начали моделировать возможные экологические ситуации, которые могут возникнуть в результате глобальных общечеловеческих катаклизмов, в частности, успешно просчитали феномен «ядерной зимы». Хотя и медленно, но разворачиваются исследования по системным моделям в экономической сфере, но почему-то определенное табу до сих пор лежит на социумной и психологической областях.

Мне хочется согласиться с мнением некоторых моих коллег, в частности, с выступлениями на страницах массовой печати академика Н. А. Амосова, который справедливо считает, что так как наши философы на все 100% расходятся с западными в самом понимании таких сложных систем, как личность и общество, то единственный выход вообще отказаться от философии и ввести математический критерий истинности социальной модели. При этом, разумеется, науку об обществе нужно передать из гуманитарной в естественно-

научную сферу, что сразу же позволит прекратить всякие идеологические споры и конфликты, которые являются просто историческим анахронизмом в эпоху надвигающейся экологической катастрофы общечеловеческого масштаба. В основе социального моделирования должны, по нашему убеждению, лежать не какие-то так называемые законы диалектики с их акцентом на борьбу противоположностей, а математическая теория общественного равновесия, которая поможет вырабатывать практические рекомендации по сохранению устойчивости системы в условиях усложнения задач, стоящих перед цивилизацией. Начать разработку такой теории необходимо уже сегодня, так как исторического времени на различные социально-философские прожекты у нас просто нет, а если мы и дальше позволим философам развлекаться путем создания новых социальных мифов, то нынешнее поколение может дожить не до «эпохи победы коммунизма во всемирном масштабе», а лишь, увы, до момента страшного конца всей человеческой цивилизации.

Что же касается трагических страниц истории нашего общества, то их появление, по моему мнению, во многом было определено самим духом непримиримости к инакомыслию и программной задачей насаждения единомыслия, которые, создавая соответствующую атмосферу в революционных кружках, затем перенесли ее на массовую почву в результате практической реализации сталинской идеологии «казарменного социализма» во всей стране. Ведь глобальная идеологизация духовного каркаса социально разнородного общества, различные слои которого имели диаметрально противоположные материальные интересы и ценностные установки, просто не могла проходить в иных формах. Еще со времен почти доисторических, мы узнали, что цвет единомыслия — кровавый: об этом, в частности, свидетельствует опыт всех социальных революций. Так, может быть, их историческая эпоха уже закончилась, и человечеству пора перейти к иному способу социального регулирования? Не пора ли нам отказаться от апофеоза борьбы противоположностей, из которой, по моему мнению, может следовать лишь однозначный вывод о том, что тот, кто не с нами, — против нас?

В этой связи полезно бы, на мой взгляд, вспомнить, что сами идеи создания социальной модели, основанной на принципе равновесия, а не борьбы противоположностей, появи-

лись еще в начале нашего века. Так, идея разработки всеобщей организационной науки, так называемой тектологии, которую выдвигал в свое время небезызвестный А. А. Богданов, по моему мнению, во многом предугадала более современные подходы. Важно то, что он специально обращал внимание на нефилософский характер тектологии и на необходимость математического анализа разрабатываемой социальной модели. Может быть, зря все это было подвергнуто критике? Если добавить сюда более поздние факты огульной критики с навешиванием идеологических ярлыков, известные нам и характеризующие отношение к научному моделированию в области сельского хозяйства, экономики, педагогики и т. д., то, думается, нетрудно понять, где лежали действительные предыстоки кризиса нашего общества и почему единственной реализованной моделью социального развития оказался сталинский «казарменный социализм».

Более того, современное состояние нашего обществоведения также не внушает особого оптимизма, так как его судьба оказалась в руках чистых философствующих гуманитариев, которые просто не способны к математическому видению социального мира. Ведь обратите внимание на то, что на Западе представителями массовых обществоведческих специальностей являются социолог и социальный психолог, то есть те, кто занимается социумной инженерией. А у нас немногочисленные представители этих специальностей буквально забиваются теми, кто вещает от имени обществоведения, а то и человековедения, неизвестно на каком основании и по какому праву. Тут и представители истории и других общественных наук, и писатели, и журналисты, да, мне кажется, практически все, кому сегодня не лёнь поговорить от имени обществоведения. Не случайно же даже за наш дискуссионный стол оказался приглашенным философ, а не социолог, хотя, как мне кажется, очевидно, что эпоха, когда философия могла что-либо толковое сказать об обществе, осталась далеко позади. В то время, когда эффективность общественной системы всецело определяется достигнутым уровнем социальной инженерии, мы еще ведем отвлеченные философские беседы о человеке, о чуть ли не по теоретическому определению неотъемлемо присущих нашему сегодняшнему строю преимуществах, о других, не менее далеких от современной реальности проблемах.

Мне уже не хочется касаться здесь политической сферы командно-административной системы, так как предельно ясно, что принятие любого важного решения в этой области должно определяться не господствующими идеологическими стереотипами, личностными амбициями и т. п., а трезвым политологическим анализом конкретной ситуации. Но для того чтобы все это могло осуществиться на деле, нужна развитая политологическая наука, которая в своих выводах была бы в определенной степени независимой от официальной точки зрения и, конечно, развития демократии в обществе. В условиях полной монополии в политической сфере оказывалось попросту невозможно объективно взвесить и оценить альтернативные подходы, учесть все плюсы и минусы принимаемых решений. А ведь именно такой подход и был необходим, когда мы принимали решение о подписании «мирного договора» с фашистской Германией или введении советских войск на территорию Афганистана. Лишь в последние годы стали обсуждать эти проблемы, хотя, по моему мнению, уже пора смелее переходить от слов к практическим решениям...

Философ. Пусть меня извинит мой коллега по дискуссии за то, что мне приходится его прерывать, но если не вмешаться в спор, то боюсь, скоро представителю философии за этим столом просто откажут в месте и праве на свой голос. Тем более что некоторым действительно кажется, что панацеей от всех наших бед окажется замена философа на представителя социумной инженерии. Но прежде чем делать такие скоропалительные выводы, нужно во многом разобраться более внимательно и глубоко.

Действительно, если уж возник разговор о той доле ответственности, которую должна взять на себя наша обществоведческая теория за трагедию народа в эпоху «казарменного социализма», то нужно прежде всего уяснить для себя, что же произошло с учением марксизма-ленинизма в ходе его практической реализации в социальной действительности. Можно ли ставить вопрос, как это делается в некоторых публикациях, о персональной «вине» Карла Маркса или В. И. Ленина за трагические репрессии, за появление феномена культа личности, за возникновение идеологии административно-командной системы и многие другие деформации общественного развития в нашей стране? Ответ на подоб-

ный вопрос, по моему мнению, должен быть однозначно отрицательным. Другое дело, что историческая судьба марксистской теории социального развития в XX в. была очень трудной, поэтому так необходимы пересмотр целого ряда массовых стереотипов ее восприятия, тот процесс обновления, который начался в период перестройки.

Если же вспоминать, как мой коллега ученый, о точке зрения крупных мыслителей современного Запада, то в какой-то степени нужно согласиться с Теодором Адорно, который однажды заметил, что после того как человечество пережило ужас концлагерей, уже нельзя философствовать по-старому. И в этом смысле то, что случилось в нашей стране, без всякого сомнения, требует углубленного социально-философского анализа и обобщения. Более того, произошедшие социальные катаклизмы в той или иной степени наложили отпечаток на сам стиль нашего философствования, заставили по-иному взглянуть на некоторые смысложизненные ориентиры общественного развития, в частности, по-иному прочитать многие, казалось бы, известные положения классиков марксизма.

Прежде чем попытаться со своей стороны ответить на главный, интересующий нас в этой беседе вопрос о том, что же все-таки привело наше общество к идеологии «казарменного социализма», был ли такой исторический путь, как здесь утверждалось, фатально запрограммирован или имелись какие-либо альтернативы, мне хотелось бы немного остановиться на прояснении самого феномена «идеологии». Это необходимо сделать, так как в ходе нашего обсуждения прозвучало утверждение о том, что первопричиной социальных бед явилась идеологизация всех сфер общественной жизни страны, приведшая к теоретическому обоснованию целесообразности массового уничтожения инакомыслящих в интересах построения нового социалистического строя. Так ли это?

Если обратиться непосредственно к произведениям Карла Маркса, то само понятие «идеология» употреблялось им для характеристики явления, связанного с ориентацией на выражение интересов определенной социальной группы, слоя, класса. Господствующая идеология имеет своей целью сохранение социумной стабильности путем защиты духовной сферы от инакомыслия, что обеспечивается созданием и функционированием особого механизма, формирующего массовое

единомыслие членов общества. Когда господствующей является идеология, получившая статус государственной, то есть та система мировоззренческих установок, которая санкционируется существующей структурой власти, то в силу этого имеется возможность использовать для подавления инакомыслия правовые меры принуждения и даже репрессивный аппарат. Не случайно после того как Маркс преодолел гегелевские иллюзии о роли государства как выразителя всеобщих интересов, он начинает крайне негативно характеризовать феномен идеологии в буржуазном обществе, определяя его как форму ложного и извращенного сознания, социумного, то есть отчужденного от общечеловеческого процесса, свободного духовного производства.

С другой стороны, мы говорим о социалистической идеологии, о необходимости ее качественного преобразования в эпоху демократизации нашего общества. В чем же дело? А не проще ли, как это и было сделано в рамках нашей дискуссии, из трагического опыта сталинизма вывести заключение о необходимости уничтожения всякой идеологии? Тем более что этот вывод буквально можно было бы подкрепить десятком цитат из произведений Маркса, в которых содержится негативная оценка самого феномена идеологии. Однако ситуация не является такой однозначной, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что если вести доказательство подобным образом, то, основываясь на цитатах основоположников марксизма, можно с полным основанием крайне отрицательно характеризовать феномен государства, хотя мы прекрасно знаем, что они никогда не разделяли идеи анархизма о его насильственном уничтожении.

Думается, что с идеологией обстоит дело в какой-то мере так же, как и с государством. Если человечеству удастся реализовать социальную программу, теоретические контуры которой очертили основоположники марксизма, то на каком-то отдаленном этапе общественного развития станет актуальным вопрос об отмирании идеологии как социумного феномена. Во всяком случае, в современных условиях такой вопрос обсуждать нет смысла, ибо хотя XX в. и называли часто — особенно в недавнем прошлом — эпохой глобального столкновения идеологий, нас все же больше волнуют острейшие сегодняшние проблемы, нежели отдаленные перспективы коммунистического преобразования мира.

Еще древнегреческие мыслители обратили внимание на парадокс нашего мира: ничто не ведет к таким трагическим последствиям, как нарушение мерности социального бытия. В этом смысле всякая социальная революция, преобразовывая мир и самого человека, ломает не только прежние структуры власти, систему экономических и общественных отношений, но и массовые мировоззренческие установки, духовный каркас группового и личностного миропонимания.

А ведь люди-то разные. Они, именно люди, а не одинаковые индивиды, к которым можно, так сказать, не мудрствуя лукаво, применять однозначные правила социальной математики. Ведь есть то сугубо индивидуальное и неповторимое в человеке, что еще древние мыслители называли душой. И в этом преобразовании человеческой души (пусть вас не смущает несколько необычная для марксистской философской литературы терминология) так же, как и в уничтожении калечащих людей социальных условий, заключается сама суть социалистической революции как совпадения процесса изменения обстоятельств и самоизменения человека.

Это ясно осознавалось классиками марксизма. Обратимся также к впечатлениям людей, которые весьма скептически смотрели на перспективы возникновения нового мира. Всемирно известный английский писатель Герберт Уэллс, встречаясь в нищей и разоренной России с «кремлевским мечтателем», считал В. И. Ленина не меньшим фантастом, чем он сам. При этом решающим аргументом, который, по его мнению, опровергал саму возможность социалистического преобразования мира, он считал невозможность социальной переделки психологии индивидуального человека, его души. Не случайно, вспоминая о кремлевской встрече, Герберт Уэллс писал о том, что его поразили не столько грандиозные планы индустриализации страны, сколько то, что большевики замахнулись на «божественную» задачу в буквальном смысле сотворения нового человека.

Журналист. Вы меня извините, но я вынужден на правах ведущего диспут прервать вас. Мне кажется, что вы увлеклись и ушли в сторону от обсуждаемого нами вопроса. И дай нам бог, если уж стало сегодня модным его упоминать всуе, наконец трезво разобраться с тем, что же все-таки произошло с нашим обществом и самим человеком — «стро-

ителем светлого коммунистического завтра». Когда-то у нашего старшего поколения буквально проступали слезы от чувства гордости за страну, где «так вольно дышит человек», но после того, что мы узнали за годы гласности, слезы-то у людей остались, но вот по какой причине — тут существенный вопрос. Если уж вспоминать о встрече В. И. Ленина с английским писателем, то не кажется ли вам, что нужны еще веские аргументы, чтобы опровергнуть мнение тех, кто считает, что знаменитый фантаст был гораздо бо́льшим реалистом, чем «кремлевский мечтатель», когда утверждал о невозможности социальной переделки природы человека? Смотрите, как только ослабло социальное давление в нашем обществе, немало людей, особенно молодежи, устремилось вперед (или назад?), вдохновляясь девизом «Обогащайся как можешь!», расталкивая друг друга локтями и затаптывая за ненадобностью те ценности и нормы, которые, что называется, намертво вбивались в них всей системой воспитания и образования. Так, может быть, вы просто боитесь высказать ту мысль, что никакой реальной альтернативы капитализму, кроме «казарменного социализма», нет?

Философ. Хорошо, если вы так заостряете вопрос, то я постараюсь ответить более конкретно. По моему мнению, самым большим недостатком того социального проекта, который реализовывался в нашей стране, оказался его теоретизм. Вам может показаться странным тот контекст, в котором здесь используется понятие, которое ввел в употребление один из выдающихся отечественных мыслителей М. М. Бахтин (чье творчество, казалось бы, отдалено от обществоведения и всецело принадлежит миру литературы и филологии, однако не будем спешить с окончательными выводами).

Дело в том, что то общество, которое было построено в нашей стране от имени марксизма, довольно разительно отличалось от того «царства свободы», что рисовалось теоретическому взору его основоположников. Если бы сам К. Маркс каким-либо чудом узрел «казарменный социализм», то можно быть уверенным в том, что он бы еще раз повторил свою знаменитую фразу, сказанную видным деятелям немецкого рабочего движения: «Это — марксизм? Тогда я просто не марксист».

Что же питало идеологию «казарменного социализма» и

почему она оказалась такой жизнеспособной именно в условиях нашего общества? Во-первых, хочется сказать о тех сознательных или бессознательных искажениях, которые были внесены в марксизм общественными и политическими деятелями начала XX в. Ведь адекватно понять марксизм трудно именно потому, что для этого непременно надо овладеть классическим духовным наследием человечества, особенно философской традицией мышления. Не случайно В. И. Ленин как-то заметил, что невозможно понять «Капитал» без знакомства с гегелевской логикой; потому это произведение оставалось непонятым даже спустя полвека после смерти К. Маркса. Но феномен непонимания закономерно приводит к вульгаризации учения, к искусственному расчленению его на изолированные положения, которые все упрощаются и наконец превращаются в штампованные формулы-лозунги, окрашенные в контрастные черно-белые цвета. Тут уж все в порядке, так как для их усвоения подходит любой размер головы, чем меньше, тем лучше, ибо ничто так не способствует твердости убеждений, как минимальная образованность и атрофированность нравственного чувства.

В этой же связи мне хочется ответить моему уважаемому коллеге по нашему диспуту, который никак не может понять, почему за дискуссионным столом оказался философ, а не социолог западного образца, однозначно ориентированный на социумную инженерию. Если мы пробуем разобраться в марксистском обществоведении, то начинать нужно именно с философии, так как только она дает адекватный ключ к пониманию социально-экономических проблем нашего общества. Конечно, вы можете мне возразить, что и так достаточно часов потеряли, овладевая основами марксистской философии еще на студенческой скамье, а теперь вас сама жизнь убеждает в бесплодности всевозможных диалектических умствований. Но должен вас разочаровать, ибо судить свысока о марксизме на основании прослушанного когда-то вузовского курса «массовой философии» так же нелепо, как пытаться составлять программы для современных вычислительных машин, опираясь на знания по математике в объеме начальных классов общеобразовательной школы.

К сожалению, традиция философского нигилизма очень давнего происхождения. Еще Гегель язвительно замечал, что, согласно общераспространенному мнению, для того чтобы

шить сапоги, обязательно нужно учиться, а в своей способности философствовать уверен почти каждый, кто не утруждает себя излишними умственными усилиями по овладению тысячелетними традициями философской культуры человечества. Когда В. И. Ленин обращался на съезде РКСМ к революционной молодежи, он специально предостерегал тех, кто ошибочно отождествлял изучение марксистской теории с заучиванием отштампованных коммунистических лозунгов вместо конкретного анализа конкретной ситуации. Увы, как показала дальнейшая история нашей страны, предостерегать от догматизма нужно было не только молодежь, но и тех представителей высшего политического руководства страны, которые во имя «чистоты» идеологии марксизма взяли на себя роль верховных цензоров, единолично определяющих, какая духовная культура нужна советскому народу.

Таких ревнителей «чистоты» наших ценностей и идеалов, которые совершенно точно знают, что советские люди должны читать, какую музыку любить, какие песни петь, в трудной истории страны было немало, причем, как ни удивительно, не перевелись еще на разных уровнях подобные социальные типы даже в условиях сегодняшнего революционного обновления общества. Подавляющая часть этих людей искренне убеждена, что только они живут правильно, «как надо», а всех остальных нужно обязательно призвать к порядку, заставить быть как все, а если не получается, то изолировать, буквально физически уничтожить. Именно такие неразмышляющие люди, исповедующие культ абсолютного социумного единомыслия, были всегда в человеческой истории надежной опорой тоталитарных режимов вне зависимости от цвета окраски их символики.

Для общества не только полезно, но и необходимо в целях предохранения от стагнации, духовного и политического тоталитаризма и (как их следствия) социальной и экономической деградации допускать плюрализм мнений и инакомыслие во взглядах. Без этого общественный организм оказывается как бы глухим, не способным вовремя реагировать на явные признаки социальной болезни и тем более принять профилактические меры, ибо уста тех, кто мог бы поставить правильный диагноз и подсказать эффективные методы лечения, буквально немеют от страха в условиях царящего произвола и отсутствия какой-либо личностной за-

щищенности. Для того чтобы в полной мере осознать справедливость такого вывода, нам потребовалось почти 70 лет.

Сразу же после революции, в условиях острейшей политической борьбы, казались очевидными совсем другие подходы. Исходя из требований пролетарской идеологии, осуществлялись периодические чистки всех сфер духовной культуры общества, при этом уже тогда появились элементы демагогии, высокомерия и нигилизма по отношению к традициям предшествующего социального развития. Если при жизни В. И. Ленина еще предпринимались попытки дать отпор идеям создания так называемой особой «пролетарской культуры», которая включает в себя «новую» литературу, живопись, науку и т. п., то после его смерти такие настроения становятся преобладающими.

По сути дела, сформировавшаяся к началу 30-х гг. идеология «казарменного социализма» имела прямую преемственную связь с идеями течения пролеткульта, с позицией нигилизма по отношению к предшествующей культуре и духовности, особенно в области философии. Когда листаешь пожелтевшие номера революционных журналов тех далеких лет, то непременно встречаешь призывы нормировать духовность в виде своеобразного идеологического пайка, включая в него лишь то, что рассматривалось как безусловно полезное для строительства нового общества. При этом цензура включала в свою компетенцию даже произведения основоположников марксизма. То, что кто-то, не знающий сомнения, окончательно решал, достаточно ли марксизма в том или ином тексте Карла Маркса, даже не смешно, а страшно, трагично по своим последствиям для всей нашей культуры. К сожалению, целые поколения советской интеллигенции сформировались в той духовной атмосфере нетерпимости к любому инакомыслию. Лишь в послесталинскую эпоху стало издаваться более полное Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, а со многими важнейшими работами, включенными в так называемые дополнительные тома, мы сумели познакомиться лишь в самом конце 60—70-х гг.

В этой обстановке просто неизбежной была существенная деформация основополагающих марксистских принципов построения социализма, ибо искажение самой теории возникало в силу неверного прочтения и непонимания первоначальных чертежей реализуемого социального проекта, для адек-

ватного восприятия которых требовалось прежде всего знать сам язык классической диалектической культуры мышления. Речь идет о том языке диалектики, которым так старался овладеть В. И. Ленин, штудируя гегелевские тексты в швейцарских библиотеках, и даже в трагические дни 1918 г., когда в ожесточенной схватке буквально решалась судьба социалистической революции. Нам известен лишь сам факт обращения Ленина в этот период к гегелевской «Феноменологии духа», поэтому трудно сказать, о чем размышлял Ильич, склонившись над листами одного из наиболее глубоких текстов классической философской культуры. Быть может, он хотел еще раз обдумать ту оценку якобинского революционного террора, которую своим вычурным философским языком дает Гегель, возможно, его мысли были совсем о другом. Во всяком случае, в одной из последних работ — статье «О значении воинствующего материализма»—В. И. Ленин настойчиво проводит мысль о необходимости овладения культурой диалектического мышления, в частности, гегелевской логикой.

Ученый. Да, конечно, но мы все хорошо знаем и то, как впоследствии были использованы этот воинствующий материализм да и диалектика, какую роль они сыграли в развитии нашей науки. Помнится по рассказам людей более старшего поколения, стоило кому-нибудь лишь усомниться в преимуществах «диалектико-материалистической мичуринской биологии», как тут же можно было быть совершенно уверенным, что этот ученый станет «врагом народа», и еще хорошо, если дело ограничится лагерем. Уж насчет воинствующего сказано очень точно, я бы еще добавил беспощадного материализма, так как ярлыки типа «меньшевиствующий идеалист» приклеивали не только профессиональным философам. Не случайно, когда я говорил об идеологизации науки и других сфер нашей культуры, речь шла о насильственной «диалектизации» мышления ученого сообщества (в сталинском понимании), в результате которой критерий профессиональной компетентности подменялся специфическим требованием политической благонадежности. Причем это требование понималось в условиях «казарменного социализма» весьма своеобразно. Так не кажется ли вам, что сутью всего этого было просто стремление установить социальное единомыслие в обществе, а вот средством как

раз сталинская «диалектизация» мышления с установкой на единогласное восторженное одобрение любой официальной точки зрения?

Оно и понятно, так как если единомыслие массовых слоев общества вполне надежно регулировалось сочетанием примитивных идеологических лозунгов и буквально животного страха перед репрессиями, то для более образованных слоев требовался несколько иной механизм. Вот тут-то, как мне представляется, и вспомнили о диалектике, в частности гегелевской. По-моему, даже в фашистской Германии в 30-е гг. и то заговорили о важности для немецкой нации сохранения традиции философии Гегеля. Может быть, я в чем-то ошибаюсь, но эта аналогия наводит меня на грустные размышления. Тем более что осуществленная-таки массовая «диалектизация» мышления не только не преградила путь «казарменному социализму», но и не послужила каким-то препятствием к застою и даже к кризису нашей науки, в том числе фундаментальной. Так в чем же дело? Может быть, вы все-таки согласитесь с тем, что нужна не «диалектизация», а компьютеризация нашего общества, математически точное моделирование происходящих в нем социальных процессов?

Философ. Мне трудно согласиться с вами. Я просто хотел подчеркнуть в своем выступлении, что одна из главных причин деформации нашей социальной системы, приведшей к феномену «казарменного социализма», заключалась в забвении самого языка марксистского учения, которым, по моему убеждению, является диалектика. А уже на этой основе — извращения социального проекта марксизма, которое было осуществлено Сталиным и его ближайшим окружением, еще раз доказавшими своей практической деятельностью ту истину, что реально всегда существуют групповые интересы, которые через специальный механизм власти в лице прежде всего государства выдаются за интересы всего народа.

Что же касается вопроса о принудительной «диалектизации» науки и других сфер духовной культуры общества в эпоху сталинизма, то мне кажется, что тут нужно точно разобраться, о какой диалектике, а может, всего лишь об эклектике и софистике здесь идет речь. Ведь к началу нашего столетия в России имелась традиция диалектического мыш-

ления крупнейших философов-идеалистов так называемого серебряного века, которая, по сути дела, прервалась после высылки из страны в 1922 г. крупнейших представителей отечественной философии и последующих репрессий. Если говорить о Ленине и других крупных представителях революционного движения, то они были ориентированы на марксистскую диалектику, преемственно связанную с классической немецкой философской школой мышления. Разумеется, уровень овладения диалектической культурой в более широкой революционной массе был значительно ниже, что приводило представителей этой массы к политизации и вульгаризации диалектики, излишней нетерпимости к инакомыслию. Однако упрекать носителей этого типа диалектического мышления нам трудно, так как практически все они, за редчайшим исключением, попали под массовые репрессии еще 30-х гг., а сама философская традиция была практически уничтожена в ходе многочисленных компаний по борьбе с «чуждыми советскому народу идеями». Однако сохранившиеся каким-то чудом семена породили своеобразный феномен советской философии начиная с 50-х гг.

Вы же, говоря о негативных последствиях насильственной «диалектизации» эпохи сталинизма, по сути дела, характеризуете совсем иной социальный процесс. Здесь тоже встречается слово «диалектика», но именно пустое слово, потому что само понятие диалектики субъективизировано и извращено настолько, что, пользуясь ленинской терминологией, она превратилась в чистой воды эклектику и софистику. Называть то, что описывается в сталинских трудах, марксистской диалектикой — это все равно, что возводить сталинизм в гениальное продолжение и завершение марксизма-ленинизма. Действительная диалектика просто не могла существовать в убогой духовной атмосфере «казарменного социализма», тогда как для сталинской псевдодиалектики это были наилучшие условия. Вот для нее действительно: кто не с нами, тот против нас. Покой относителен, борьба абсолютна, особенно с многочисленными «врагами народа». Можно, конечно, вспомнить тех, кто на известной встрече со Сталиным 25 января 1931 г., где впервые прозвучала такая оценка — политическое клеймо «меньшевиствующий идеалист», — не жалел своих усилий для возвеличения идей вождя, которого еще в философском словаре, опубликован-

ном в 1930 г., возвели в ранг «крупнейшего теоретика нашего времени» (в персональной статье о нем). Все они: М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Ф. В. Константинов — делают стремительную карьеру и превращаются в «генералов», стоящих во главе «философского фронта» страны, избираются в Академию наук СССР — иногда настолько быстро, как это, например, случилось с Митиным, что они еще не успевают обзавестись учеными степенями и званиями. Да и стоит ли обращать внимание на такие «мелочи», когда его практически рекомендует сам «отец народов», который по совместительству является «гениальным теоретиком марксистско-ленинского учения в эпоху кризиса капитализма и победы социализма во всемирно-историческом масштабе». Именно для митинского стиля являются характерными выражения и названия работ типа «Боевые вопросы материалистической диалектики». Сам же Сталин свою «гениальную» работу, объемом около 30 страничек, вошедшую в качестве IV главы в «Краткий курс истории ВКП(б)», назвал проще: «О диалектическом и историческом материализме». Его подручные тут же объявили ее «величайшим произведением, подлинной теоретической вершиной бессмертного учения марксизма-ленинизма».

Журналист. Обсуждаемые вопросы, по моему мнению, стали более интересными, поэтому я предлагаю продолжить нашу дискуссию в следующей беседе, обратив при этом внимание не только на историю, но и на сегодняшний день страны; высказаться о причинах, которые способствуют сохранению механизма торможения социального развития даже в условиях перестройки и обновления общества.

Беседа 3.

ОТ «ЕДИНОМЫСЛИЯ» К СОЦИАЛЬНОМУ ДИАЛОГУ

Журналист. В предыдущей беседе велся разговор о том, что же привело наше общество к эпохе «казарменного социализма». При этом определились две четкие позиции, которые исходят из противоположных точек зрения,

Согласно той позиции, которая представлена в нашей дискуссии ученым, «казарменный социализм» рассматривается как закономерное следствие процесса всеобщей идеологизации всех сфер материальной и духовной жизни общества. В этом случае радикальное оздоровление возможно лишь в условиях деидеологизации существующих социальных структур, в частности, передачи обществоведения из сферы социумного политического контроля в руки независимых экспертов математического и естественнонаучного профиля. Суть же альтернативной позиции, насколько я ее понял, состоит в том, что в качестве одной из главных причин формирования в нашей стране идеологии «казарменного социализма» признается феномен искажения и сознательного извращения учения марксизма после смерти В. И. Ленина той политической группой во главе со Сталиным, к которой примыкали и профессиональные философы; результатом деятельности их и явилось превращение диалектики в псевдодиалектику сталинского образца.

Наверное, вторая позиция более аргументированна. Вспомним хотя бы «блистательную» карьеру одного из «генералов» советской философской науки академика М. Б. Митина, который действительно в полной мере соответствовал «высоким» требованиям, предъявляемым со стороны «маршалов» идеологического фронта типа А. А. Жданова да и самого генералиссимуса И. В. Сталина. Однако что меня смущает? Мы слишком часто говорим о наших прошлых ошибках и принимаем самые радикальные меры по их искоренению. При этом причину социальных ошибок связываем с деятельностью конкретных лиц, которых, как правило, давно уже нет, поэтому и спросить-то в принципе не с кого. В то же время крупные социально-экономические сбои общественного механизма периодически повторяются, и ошибок не становится меньше. Почему? Быть может, мы просто проходим мимо, а то и просто боимся откровенного разговора о первопричинах, ограничиваясь обсуждением хотя и интересных, но второстепенных аспектов проблемы?

В этой связи мне кажется интересной публикация на страницах журнала «Наука и жизнь» серии очерков доктора философских наук А. С. Ципко «Истоки сталинизма», который утверждает, что сам И. В. Сталин практически был верным последователем учения марксизма-ленинизма и реа-

лизовывал его в той мере, в какой позволяли ему общественные условия страны. Разумеется, в каких-то тонкостях Сталин не разобрался, но отлучать его на этом основании от марксизма, как утверждается, было бы исторически ошибочно. Но тогда получается, что в нашем споре прав ученый и истоки идеологии «казарменного социализма» следует искать во временах значительно более ранних, чем эпоха массовых репрессий 30-х гг. Мне трудно быть судьей в этом споре, хотя на страницах центральной прессы точка зрения А. С. Ципко, как мне кажется, довольно аргументированно критиковалась. Сознаюсь, что я все же попробовал разобраться самостоятельно: внимательно прочитал книгу И. В. Сталина «Вопросы ленинизма». Что можно сказать? Впечатление двойственное. Стиль полемики чисто военный, крайняя нетерпимость к чужому мнению, везде политические обвинения и навешивание идеологических ярлыков, но вместе с тем очень много ссылок на произведения основоположников марксизма-ленинизма, аргументация и выводы кажутся довольно убедительными. Как это ни странно, учитывая то, что говорилось в нашей дискуссии, почти современной выглядит работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая была написана еще в 1938 г. Вы можете посмеяться надо мной, но я подумал, что если ее захватит в качестве шпаргалки на экзамен по диалектическому и историческому материализму студент наших дней, то у многих преподавателей меньше хорошей оценки он просто не получит. Во всяком случае, в мое время, а я учился не в эпоху сталинизма (в середине 70-х гг.), именно таких четких формулировок в ответе с обязательной ссылкой на соответствующую цитату из произведений классиков марксизма требовали все преподаватели-обществоведы, ну прямо по Сталину.

Ученый. Должен сказать, что и меня слабо убеждают аргументы нашего коллеги философа, хотя в его словах есть и определенная доля правды. Мы спорим о том, считать ли сталинскую концепцию социализма адекватной марксистско-ленинскому учению об общественном развитии, насколько приемлема для нас его диалектика, или, как здесь доказывают, это псевдодиалектика. Да оглянитесь же вокруг и посмотрите на календарь. Об этом ли надо спорить? Мало того, что совсем еще недавно надвигалась угроза термоядерного

самоуничтожения мира. Сейчас с этим немного полегче, и в этом действительно заслуга нового политического мышления, которое, исходя из принципа деидеологизации на международной арене, отодвинуло угрозу мировой войны. Но посмотрите, что происходит с экологией даже у нас, где, казалось бы, необозримые просторы страны являются самой надежной защитой от загрязнения окружающей среды. На Западе всерьез задумались над экологическими проблемами еще в 1972 г., когда под руководством специалиста в области системной динамики Денниса Медоуза был подготовлен первый доклад Римскому клубу «Пределы роста». В докладе анализировалась социально-математическая модель, показывающая, что ожидает человечество, если сохранится прирост населения при одновременном увеличении потребления на душу населения. Люди были потрясены, и стали предприниматься значительные усилия для того, чтобы предотвратить истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды и ускоряющуюся гибель биосферы, то есть те глобальные процессы распада, которые могут привести к природному «коллапсу», вымиранию человечества буквально к середине следующего века. А ведь мы (да и то далеко не все) лишь сегодня начали заглядывать реальности в лицо, но слишком медленно выходим из стадии обсуждения чисто теоретических вопросов.

Или возьмем экономику и задумаемся, почему наша страна не может до сих пор преодолеть затяжной кризис, который начался на рубеже 70—80-х гг., несмотря на вроде бы энергичные меры, принимаемые в годы перестройки. Одной из главных причин, по моему мнению, является то, что мы до сих пор не создали достаточно правдивой социально-математической модели той ситуации, которая сложилась в нашей экономике на сегодняшний день. Почему? Во-первых, десятилетиями культивировавшаяся идеологическая установка на уравнительный социализм, в котором основным достоинством человека является его стандартность и политическая благонадежность, а не профессиональные качества специалиста, настолько вошла в плоть и кровь наших людей, что всякие попытки изменить ситуацию наталкиваются на мощное сопротивление. То, что среди миллионов репрессированных и физически уничтоженных в эпоху «казарменного социализма» оказались самые трудолюбивые, талант-

ливые, политически и социально активные, не было случайностью. Когда условием выживания человека становится его социальное приспособленчество, боязнь ответственности за нестандартную жизненную позицию, общество неизбежно деградирует, так как прогрессивное развитие невозможно, если уничтожается всякое инакомыслие.

Во-вторых, за годы сталинизма и застойного периода сформировалась и окрепла пирамида административно-командной системы, которая в целях самосохранения практически блокирует все попытки радикального изменения существующего положения дел. При этом особое значение имеет монополия на информацию и принятие решений вне достаточно широкого и компетентного обсуждения. Экономическая информация у нас долго была как бы двухслойная, то есть пропущенная через специальный идеологический фильтр.

Еще на рубеже первых пятилеток, для того чтобы доказать «неоспоримые» преимущества сталинской экономической модели по сравнению с политикой нэпа, началось исходя из идеологических соображений произвольное манипулирование социально-экономической статистикой. Такое положение длилось десятилетиями, а в итоге, когда в условиях перестройки нам для принятия радикальных мер потребовалось прежде всего увидеть в зеркале социально-экономической статистики свое реальное состояние, то, несмотря на обнаруженные отрицательные явления, мы еще зачастую продолжали по-прежнему видеть довольную жизнью, преисполненную социального оптимизма, упитанную физиономию экономического богатыря, призывающего другие народы следовать своему историческому выбору.

Увы, если мы за четыре года перестройки не во всех областях смогли достичь уровня объективной социально-экономической статистики, то, вы правы, тут вряд ли приживутся какие-то глобальные математические модели управления обществом. Дело даже не в дефиците компьютеров, ведь первичную информацию закладывает сам человек, а если он заинтересован в том, чтобы она по-прежнему была двухслойная, то надеяться на лучшее не приходится. Так, может быть, стоит наконец подсчитать, какова же реальная социальная и экономическая цена «единомыслия» для нашего общества? А ведь именно вы, обществоведы, делаете все возможное для сохранения социального «единомыслия», поэто-

му и являетесь вместе с административно-командной системой одной из основных частей механизма торможения процесса перестройки.

Философ. Да, конечно, с такого рода суждениями, которые довольно часто появляются на страницах прессы, я знаком. Казалось бы, «враг перестройки» четко обозначен, и нужно принимать незамедлительные меры. Какого рода? Ну, тут выбор очень богатый, так как нам есть что вспомнить из исторического опыта минувших десятилетий. Однако я был уверен, что принятие каких-либо крутых мер не исправит наличную ситуацию, ибо наихудшее, что мы можем сделать, — это заняться поиском «новых врагов народа», которых можно было бы обвинить в том, что они срывают перестройку. По моему мнению, прежде всего необходим глубокий и, я бы сказал, философский анализ наличной социально-экономической ситуации в стране, тем более что с некоторыми суждениями нашего коллеги по дискуссии трудно не согласиться.

Когда во второй нашей беседе речь шла о причинах появления идеологии «казарменного социализма», я действительно подчеркивал ту отрицательную роль, которую в этом сыграло искажение и извращение теоретического наследия марксизма. За неимением времени не буду анализировать подробно, но главное-то, что если марксизм ориентирован на человека как самоцель социального развития, то идеология «казарменного социализма» центрирована на интересы социума, в котором человек является лишь средством для функционирования неких всеобщих общественных структур. Дело вовсе не в том, насколько та или иная строчка из произведений Сталина формально соответствует тексту основоположников марксизма. Здесь произошло качественное преобразование философии, то есть любви к мудрости и свободе, в социальную мифологию, то есть слепую веру в непогрешимые указания вождя.

Если же говорить о глобальных проблемах наших дней, то одной из первопричин является страшное наследие уходящей в прошлое эпохи идеологической и политической непримиримости, национальной, классовой или религиозной нетерпимости к инакомыслию, то есть особой атмосферы в мире, продуцирующей феномен тоталитарного общественного сознания XX в., в основе которого догматизм и нежелание

вдуматься в грядущую судьбу мира и самого себя. Так было и у нас в эпоху сталинизма и постсталинизма. Вождь освобождал от необходимости думать, а следовательно, личностной ответственности за принятие тех или иных решений, равным образом рудиментом, чем-то ненужным оказывалась совесть каждого человека. Зато исполнительность ценилась очень высоко, и даже если у человека и возникали какие-либо сомнения, то их лучше было держать при себе, так как наверху виднее.

Казалось бы, со смертью «отца народов» построенная по его чертежам пирамида административно-командной системы будет быстро демонтирована в силу своего явного несоответствия нуждам советского народа. Однако произошел исторический парадокс: выступив от лица государства, административно-командная система не только не утратила своего влияния, но и укрепила свои позиции в обществе. В условиях перестройки предпринимаются меры по слому этой системы, однако их суммарный эффект пока еще не может удовлетворить нас полностью. В чем же дело?

В условиях революционного обновления общества процесс изменения социально-экономических обстоятельств, радикальной экономической реформы должен совпадать по времени с самоизменением самого человека — творца перестройки. Ведь сам успех перестройки, связанный с радикальным преобразованием форм собственности и скорейшим включением на полные обороты нового экономического механизма, требует не только принятия верных решений Съездом народных депутатов, но и участия миллионов людей, лично заинтересованных в социально-политическом и духовном возрождении страны. Сегодня перестройке, всей нашей стране нужен не просто исполнительный работник, а человек именно как личность, нравственно ответственная за судьбы Родины. Еще не до конца преодолен тот механизм отчуждения, который буквально раздавил, подобно громадному катку, возможности личностного проявления человеческого бытия в мире. Когда мы осознали, что все планы социально-экономического возрождения страны просто повиснут в воздухе, если массы людей и каждый человек не возьмут личную ответственность на себя, то возник пристальный общественный интерес к тому, что не совсем удачно назвали «человеческий фактор». Увы, так же, как и в других сферах,

когда прояснилась более или менее реальная картина состояния нашего общества, нас ожидало горькое разочарование. Как это ни парадоксально, при наших людских ресурсах самым главным дефицитом оказался человек как личность, способный взять на себя ответственность, профессионально подготовленный работать на уровне мировых стандартов. Некоторые философы даже стали говорить, если пользоваться терминологией М. К. Мамардашвили, о постигшей наше общество в эпоху «казарменного социализма» антропологической катастрофе, в результате которой был сломан хребет духовности человека, разрушен механизм регенерации культуры. Говоря другими словами, массовое уничтожение наиболее активной, трудолюбивой и интеллектуально развитой части населения страны в предвоенные годы, а затем гибель еще миллионов людей в огне войны запечатлелись если и не на уровне генетического кода нации, то, во всяком случае, в памяти поколений.

Вспомним, что алкоголизация нашего общества, которая охватила миллионы людей, напрямую связан с ощущением социальной безысходности личностного бытия, а последнее коренится в надломе самих механизмов сбалансированности смысложизненных и практических ориентиров общества.

Не случайно проводившаяся в последние годы крупномасштабная кампания по борьбе с алкоголизмом, в основе которой лежала идея оздоровления генетического фонда нации, оказалась малоэффективной. Если прибавить сюда всеобостряющуюся проблему наркомании среди молодежи, то есть над чем задуматься.

Но была ли альтернатива тому процессу оскудения и самоутраты личностного компонента духовности, с которым столкнулось наше общество? В каком направлении должна развиваться культура для того, чтобы компенсировать, хоть в какой-то степени, потери и стимулировать процессы формирования человека как личности?

В правильных ответах на эти вопросы содержится ключ к решению многих проблем не только в духовной, но и в социально-экономической сфере. И хотя ответить на эти вопросы мы должны сами, однако подсказать верное направление может тот громадный духовный потенциал, который содержится в теоретическом наследии отечественных мысли-

телей, возвращающемся к народу через десятилетия забвения и цензурного запрета. Со многими именами этих людей вы уже знакомы или вам предстоит познакомиться, например, в цикле «Страницы истории отечественной философской мысли» в рамках серии брошюр «Философия» (а теперь «Философия и жизнь»). Мне же хочется вспомнить о духовном наследии человека, который был практически нашим современником.

Нет смысла говорить о подробностях нелегкой, временами трагической жизни Михаила Михайловича Бахтина (1895—1975), так как для того чтобы это сделать, нужны специальные работы. Судя по интересу к его творческому наследию, такие исследования скоро появятся и в нашей серии[1]. Хотя этого мыслителя традиционно относят к числу выдающихся ученых-филологов, однако его духовное наследие, концептуальное осмысление которого лишь только начинается, далеко выходит за пределы классического литературоведения. Можно с полным основанием сказать, что М. М. Бахтин — один из крупнейших социальных мыслителей XX в., теоретические идеи которого предвосхитили многое из того, что составило сердцевину интеллектуальных исканий человека нашего времени. В этой беседе мне хочется обратить ваше внимание лишь на некоторые его идеи, преломленные применительно к проблематике нашей дискуссии.

Во-первых, очень важной является проблема ответственности, которую М. М. Бахтин вводит через специфический образ-понятие «неалиби в бытие», подчеркивающий, что каждый из нас как человек не имеет права на «алиби», на уклонение от своего единственного нравственного выбора, так как реализацией твоего неповторимого «поступка» должна явиться вся жизнь как личностное поступление.

Во-вторых, мыслитель дает развернутую критику «рокового теоретизма», присущего философским течениям XX в., и формирует задачу достижения «ответственного единства» мышления и поступка, вводя такие понятия, как «поступающее мышление» и «участное мышление». При этом главная мысль состоит в том, что «участно мыслящий» человек

---

[1] Редакция серии «Философия и жизнь» готовит к выпуску брошюру «Михаил Бахтин: философия поступка». (Прим. ред.).

«не отделяет своего поступка от его продукта», берет на себя личностную ответственность в преодолении «дурной неслиянности культуры и жизни».

Журналист. Не совсем понятно, какое отношение все это имеет к тематике нашей дискуссии. Все мы слышали о Михаиле Бахтине как талантливом литературоведе, работы которого посвящены исследованию культуры различных исторических эпох, анализу, в частности, творчества Франсуа Рабле и народной культуры средневековья, проблем поэтики М. Ф. Достоевского. Но причем здесь обществоведение, тем более в свете проблем, затронутых в нашей последней беседе? Ведь насколько мне известно, он никаких специальных трудов по обществоведению или хотя бы социально-философской проблематике с анализом наболевших проблем нашего общества не писал. А то, что его жизнь складывалась временами трагично, трудно было печататься и пробивать свои идеи, то у кого из талантливых людей было наоборот? Так стоит ли на этом основании нам обращаться к наследию М. М. Бахтина?

Философ. Да, то, что он не писал специальных исследований по проблемам социалистического общества, вы заметили верно. Вероятно, именно это обстоятельство позволило ему и некоторым его ровесникам, сопоставимым по уровню духовности, вообще дожить до весьма преклонных лет, хотя я бы не сказал, что в условиях особого тепла и заботы. В противном случае творческая жизнь, как мы хорошо знаем, в благодатных условиях «казарменного социализма» заканчивалась значительно быстрее — вместе с угасанием телесного существования, как правило, в местах, не столь отдаленных от культурных центров нашей страны. Трагические последствия внутренней эмиграции, в которую уходили многие крупнейшие представители нашей интеллигенции, сознательно замыкаясь в сфере античной эстетики, литературоведения или иных, экзотических с точки зрения обыденного сознания, областях, сопоставимы с потерями, понесенными духовностью общества в результате массового отъезда после революции виднейших деятелей отечественной культуры. В силу этого нам приходится, как, например, в случае с наследием М. М. Бахтина, из дошедших до нас фрагментов рукописей, из отдельных замечаний, что называется, на полях воссоздавать и реконструировать как неко-

торую целостность те важнейшие социальные идеи, которые уже входят в обществоведение нередко через переоткрытие их (иногда спустя десятилетия) западными философами и социологами.

Когда мы сегодня с учетом накопленного человечеством в XX в. опыта социального экспериментирования стараемся понять, почему многое из того, что казалось самоочевидной истиной в первой половине столетия, ставится под сомнение, а чаще всего вызывает лишь чувство горького разочарования у наших современников, то невольно вспоминаешь бахтинские слова о «роковом теоретизме», который действительно пронизывал философские и социально-политические учения современной эпохи.

Существует пространство личностного идеального мира, в котором творение духовное вызревает, прежде чем оно превращается в социальный проект как теоретическое ядро общественно-политического учения. К сожалению, метрика теоретически-духовного способа освоения мира не совпадает с размерностью практически-духовного человеческого действия в силу существования «рокового теоретизма» познавательной культуры, о котором и пишет М. М. Бахтин. Если масштабом теоретически-духовного является социальная вечность, во всяком случае, тысячелетия и столетия общечеловеческой истории, то для практически-духовного мира человеческого действия вечность сжимается до размеров единственной и неповторимой моей индивидуальной жизни, которая дана мне здесь и теперь, а главное, уже никогда не повторится.

Для теоретической социальной модели общественная практика является критерием истины, ибо неудачный эксперимент тоже полезен для преобразования исходных посылок перед следующей попыткой реализации задуманного. Для индивидуального человека другой попытки уже не будет, жизнь неповторима, и увидеть прекрасный город, возведенный на его костях, он сможет лишь в воображении. Другое дело, что существуют специальные механизмы, продуцирующие иллюзорный мир социального мифа, в атмосфере которого человек, ютящийся в лачуге, воображает себе, что он является обитателем и хозяином роскошного дворца будущего, возведенного общими сверхчеловеческими усилиями в этом прекрасном городе. Идеальная модель такой социальной си-

стемы описана в романе братьев Стругацких «Обитаемый остров», где подробно рассказывается, как с помощью стационарных и передвижных «излучателей» (я бы выразился точнее, «генераторов единомыслия») не только обеспечивается социальная стабильность при кризисном состоянии общества, но и подавляющее большинство людей начинает испытывать периодически повторяющееся чувство личностного восторга от слияния со всеобщим духом власти по мере усиления мощности генерируемого излучения. Ну а те, кто не испытывает такого восторга единомыслия, естественно, «выродки», смертельно опасные (в силу самой возможности инакомыслия) для государства люди. Не случайно к ним применяются безжалостные меры по уничтожению. Хотя, разумеется, господствующая элита власти состоит сплошь из «выродков», верящих в общественные ценности лишь наполовину, так как невозможно руководить этим обществом социального помешательства, не сохраняя доли здравого рассудка, ибо, как говорит английская народная мудрость, «если слепой ведет слепого, оба свалятся в канаву». Увы, мир, описанный в романе братьев Стругацких, не столько фантастика, сколько социальная антиутопия, зримые черты которой мы наблюдали в «казарменном социализме». Тем более что массовое преследование «выродков» — «врагов народа» в нашем обществе тоже сопровождалось массовым изъявлением, как это ни больно осознавать сейчас, восторга единомыслия.

Но где же истоки и сам корень «рокового теоретизма» познавательной культуры, в силу которого отрешенный от боли и страданий миллионов единичных людей взгляд социального теоретика устремлен в доступное лишь для его взора будущее? Вспомним, например, мотивы «Бесов» Ф. М. Достоевского. Почему человек, провозгласивший себя воплощением социальной истины, способен безучастно взирать на то, как кровавыми руками попирается добро, как затаптывается красота, выжигается вера? Откуда происходит такое равнодушие к обдумыванию возможных результатов массового социального экспериментирования, атрофия нравственности как ответственности перед человеческим родом и самим собой?

Пытаясь ответить на эти вопросы, очень полезно обратиться к еще практически невостребованному нами интеллектуальному опыту мыслителей XX в., которые должны

стать духовными современниками эпохи перестройки, к анализу феномена «монологизма» человеческой культуры, о котором пишет М. М. Бахтин. Для него очевидно, что монологизм, то есть «отрицание равноправности сознаний в отношении к истине», является той почвой, на которой произрастает «роковой теоретизм» философско-социологического познания общества с его нигилизмом по отношению к добру и красоте, а главное — с нетерпимостью к любому инакомыслию, попытке воспринимать мир вне жестко заданных рамок. Трудность разрешения проблемы состоит в том, что монологизм духовности является сущностной характеристикой западноевропейской культурной традиции от Платона до Гегеля и в этом смысле определяет логику мышления подавляющего большинства социальных реформаторов, не способных осознать амбивалентность, то есть двойственность, окружающего нас мира, в котором внеличностная правда в силу иронии вещей превращается в надличностную ложь.

Выходом из этой ситуации одномерности восприятия социального мира является идея развития альтернативного монологизму способа мышления, в основе которого, как считает М. М. Бахтин, находится «диалогичность как особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями». Реализация идеи полифонии, диалога, принципиальной незавершенности человеческого мироотношения присутствует в художественной форме в произведениях Ф. М. Достоевского, к концептуальному переосмыслению творчества которого и обращается мыслитель. Ведь не случайно особое место Достоевского в русской и мировой духовной культуре определяется прежде всего его нравственной ориентацией на общечеловеческие ценности при неприятии писателем любых социальных идей, содержащих требование «оконечить» человека во имя надличностных идеалов вне зависимости от того, создаются ли они с охранительными или революционными целями.

По сути же дела, диалогический способ мышления и есть диалектика, однако не в ее отчужденной и приспособленной для формирования социумного единомыслия форме. Это есть диалектика как логика социального диалога, в котором возникает взаимная ответственность истины, добра и красоты за судьбу нашего мира. При всей необходимости и полезности скорейшей компьютеризации нашего общества

(тут я полностью согласен с позицией ученого), не в меньшей степени мы нуждаемся в диалектике, обогащенной противоречивым нравственным опытом индивидуального личностного бытия человека XX в. Именно в переходе от «единомыслия» к социальному диалогу, на мой взгляд, состоит духовная проблема нашего времени, от разрешения которой во многом зависит будущее человечества. Хотя, разумеется, нравственное возрождение общества есть лишь необходимый момент его целостного социально-экономического преобразования в соответствии с духом нового политического мышления, создания не только общеевропейского, но и общемирового дома.

Журналист. К сожалению, отведенное для наших бесед время закончилось. На часть затронутых в дискуссии вопросов, по моему мнению, не было дано достаточно полных ответов. Не все из того, что было высказано участниками дискуссии, является одинаково приемлемым для каждого из нас. Хотя судить о плюсах и минусах нашего «круглого стола», как мы все надеемся, будут читатели, которых приглашаем подумать над затронутыми социальными проблемами.

ДИАЛОГ: РЕДАКТОР — ЧИТАТЕЛЬ — АВТОР

Слово молодым

В октябре 1989 г. в Алуште проходили занятия IV Республиканской школы молодых философов Украины «Личность: бытие и действие». В рамках этой школы состоялась встреча редактора серии «Философия» с молодыми преподавателями вузов и средних учебных заведений Украинской ССР, учеными Института философии АН УССР. Обсуждались проблемы недавно открытых в серии «Философия» (ныне «Философия и жизнь») циклов «Страницы истории отечественной философской мысли» и «Зарубежная философия в прошлом и настоящем». Итак, слово молодым.

А. М. Еременко, аспирант кафедры философии Ворошиловградского педагогического института:

«Т. Кун однажды отметил, что наличие учебников и сама возможность их создания являются признаком «нормальной науки». Но философия, по-видимому, никогда не станет в этом плане «нормальной»: у нее свои задачи. Поэтому учебники по философии не нужны, более того, даже вредны, так как только загоняют мысль в узкие рамки «от сих до сих».

Но в то же время объективно необходима популярная философская литература, подготавливающая широкую аудиторию к более глубокому проникновению в те или иные философские теории. Именно такая литература выполняет, в частности, учебную функцию, обращаясь (в доступной форме) к читателю, пробуждая в нем интерес к собственно философским проблемам.

Исходя из вышесказанного можно понять, какими, на наш взгляд, должны быть брошюры издательства «Знание», посвященные популяризации проблем истории философии. Вероятно, они должны вызывать прежде всего интерес к личности философа. Нужно быть гением, чтобы достаточно популярно и в то же время очень глубоко и точно изложить учение Платона об эйдосах или учение Лейбница о монадах и т. п. Но можно достаточно ярко, занимательно, увлеченно рассказать о жизни Платона или Лейбница, об их окружении и т. п.

С этой точки зрения для меня идеальной популяризацией истории философии является книга Диогена Лаэртского. И вполне естественно, что оба тиража этой книги (далеко не мизерные) были в мгновение ока раскуплены отнюдь не только философами. Ко-

ротко говоря, нам нужен Диоген Лаэртский философии Нового времени.

Конечно, исследовательские материалы циклов «Страницы истории отечественной философской мысли» и «Зарубежная философия в прошлом и настоящем» уступают текстам Диогена Лаэртского, однако нельзя не отметить, что и они вносят свой вклад в достижения мировой философии. На мой взгляд, в этих брошюрах являются особенно ценными приложения, в которых читатели могут познакомиться с оригинальными (зачастую ранее не публиковавшимися) текстами философов.

Итак, относительно брошюр историко-философских циклов мои пожелания таковы: ярче, увлекательнее о жизни и окружении популяризируемых философов, коротко — об их творчестве и как можно больше места отводить текстам самих мыслителей».

М. Б. Столяр, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии и политэкономии Черниговского педагогического института:

«Используя фигуры умолчания, развивая Эзопово мышление, формируя неформальные сообщества «имеющих уши», отечественная философия в нашем государстве тем самым пыталась спасти собственное достоинство, свое право на самостоятельность и, следовательно, поддерживать свое существование в условиях идеологического гнета. Она выработала, точнее говоря, выстрадала особый язык — язык, позволяющий в с е сказать. Но этот же язык давал возможность при случае от в с е г о с к а з а н н о г о о т к а з а т ь с я. В этом языке личность философа, выглядывая из-за искусственных философских схем и проделывая невероятные трюки на идеологических конструкциях, всегда могла за них спрятаться, как будто и никакой личности и не было вовсе. Поэтому столь архитипически для нашей философии звучит вопрос Клима Самгина: «А был ли мальчик?» А была ли личность? А была ли философия?

В противоположность такому подходу, с точки зрения Владимира Соловьева, философия человекоразмерна. Она есть мировоззрение отдельных лиц, людей, имеющих лицо, личностей. В ней немыслима игра в прятки с самой собой и с другими, ибо она есть не просто теоретический акт — она представляет собой нравственное деяние, поступок. Философия — это крест, но это крест, который человек выбирает себе сам. Наслаждение пластикой философской теории, жизнь в царстве чистого духа, овладение изощренной техникой «игры в бисер» выливаются в осознание философии как судьбы, как особого образа жизни, несовместимого со статусом академического философа. Поэтому, говоря о Владимире Соловьеве, конечно, можно оценивать его взгляды объективно-описательно (как это сделано в брошюре серии «Философия»: «Философия Вл. Соловьева», автор — В. А. Кувакин), но невозможно не переживать его философию как нравственную позицию личности.

Эта линия выражена в указанной брошюре значительно слабее.

Человекоразмерность философии Владимира Соловьева выражается и в ее удивительной открытости, в ее принятии идей других философов. Оправдание Соловьевым других философских систем — это не только стремление включить их лучшие элементы в свою философию. Владимир Соловьев приемлет не просто другие идеи. Он приемлет другие личности. Философия поэтому оказывается не монологом учителя, не внимающим ученичеством, стремящимся, в свою очередь, завоевать право на монолог, а диалогом стремящихся к взаимопониманию личностей.

Отказываясь «от глубоко укоренившейся схемы черно-белого изображения... историко-философского процесса, от одномерной критики» (Кувакин В. А. Указ. соч. — С. 3), мы поддерживаем стремление философской редакции издательства «Знание» возвращать не просто имена, составляющие гордость нашего Отечества, но и возвращать лица, ибо философия нуждается в личностях, открытых для диалога. В атмосфере же живого диалога возможно появление личности и в современной философской мысли».

Н. В. Северчук, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Днепропетровского городского института физической культуры:

«Дальнейшее развитие философской мысли в нашей стране невозможно без освоения огромных пластов философской культуры: как отечественной, так и зарубежной. Поэтому серия «Философия» может внести существенный вклад в оживление историко-философских исследований. И такая работа начата. Безусловно, перспективным представляется цикл «Страницы истории отечественной философской мысли». В рамках цикла могли бы найти освещение как направления философской мысли, которые ранее по каким-либо причинам вытеснялись из сферы философских исследований, так и те направления, которые освещались неполно, тенденциозно.

В этой связи определенный интерес вызывают концепции русского анархизма, не укладывающегося в рамки традиционной критики. Значительная часть этих концепций, а именно та, которая связана с полемическим диалогом с марксистской теорией, вообще выпадала из поля зрения историков философии. Обращение к теории анархизма, к его истокам, к его противоречивым сторонам интересно и в практическом плане, поскольку в настоящее время возникла ассоциация анархо-синдикалистов, теоретические выкладки которых, очевидно, отталкиваются от взглядов их идейных предшественников.

Ряд недавно вышедших брошюр цикла связан с освещением концепций русской религиозно-идеалистической философии. Русский идеализм, безусловно, является интереснейшим явлением отечественной культуры. И думается, доброе начало, положенное на страницах цикла, будет успешно поддерживаться. Хотя, на наш взгляд, при освещении идей русской религиозно-идеалистической филосо-

фии не применимы рационалистические схемы, в рамках которых, например, В. А. Кувакин рассматривает философию В. С. Соловьева. При этом утрачивается сердцевина, суть, особая мировоззренческая окрашенность концепции великого русского философа-идеалиста. Кроме того, хотелось бы, чтобы персоналии носили скорее проблематичный, чем иллюстративно-ознакомительный, характер».

А. Н. Баранецкий, преподаватель философии Евпаторийского медицинского училища:

«Цикл брошюр по истории философии может, на мой взгляд, быть посвящен не только персонажам или эпохам, но и паноптикумам, социологическим обзорам опросов историков философии. Причем последний можно сделать не без пользы: на какой-то очередной конференции историков философии провести экспресс-опрос по теме «Какая проблема сегодня актуальнее иных?». А после экспресс-опроса — каскад интервью: а) с маститыми историками философии; б) со всеми философами и участниками беседы; в) каскад интервью по выявленным актуальным темам. Например, если актуальными окажутся вопросы самообмана, саморазорванного сознания, диалектики иллюзий, то в каскаде интервью ученые смогут упомянуть, кто и когда в истории философии древней уже исследовал ту же диалектику иллюзий (Монтень и до него и после...), смогут поделиться представлениями о том, как современные историки философии могли бы раскрыть эти «вечные» вопросы.

Это уже была бы не только пропаганда философии и не только бурлеск идей, но и стимул для творчества многих и многих. А порой это помогло бы отвернуться от привычного нам невежества и понять, как древние много знали и о проблемах воспитания (тот же Конфуций) и о «проблемах» эротики (история античности, возрождения).

В журнале «Знание — сила» был дан обзор состояния духовной жизни человечества за 500 лет до н. э.: возникновение буддизма, предпосылки для будущего христианства, страницы истории Китая. Привлекают внимание синхронность, одновременность происходившего и не менее интересна свобода от европоцентризма — «всепланетный» обзор. Отчего бы не выпустить за 2—3 года «хронологическое» приложение к брошюрам о единновременно происходящих событиях в философии XX в. (по десятилетиям). Не менее интересно дать оба века — XIX и XX — по всем континентам планеты, фиксируя даты выхода в счет наиболее интересных философских трудов, годы жизни философов.

Возможны варианты: каскады интервью на тему «Есть ли белые пятна в истории философии и в советской историко-философской концепции и какие?» или хронографический срез «Идеи гуманизма по странам и континентам в определенные годы XX в.».

Отнюдь не лишним было бы обратиться к забытому опыту Диогена Лаэртского: эпизоды биографий советских философов не ме-

нее насыщены трагическим и комическим, чем биографии философов античности. Пока живы современники Стэна, Деборина, Лосева, Копнина и многих других, надо торопиться собирать свидетельства очевидцев, ибо грустно, что хороших философов вспоминают гораздо реже, чем хороших поэтов. То, что делает газета «Советская культура», вполне может разрастаться до размеров брошюр — хотя бы по одной брошюре в год.

Думаю, что большинство читателей философской серии интересуются историей философии не из праздного любопытства, а из потребности приобщиться к мудрости великих. Поэтому половину брошюр о философах прошлого можно издавать как брошюры не столько о результатах их творчества, сколько о «творческой лаборатории». Уже названия типа «Творческая лаборатория аристотелевской мысли» или «Творческая лаборатория Бонифатия Кедрова» — это почти реклама серии брошюр. Не беда, если тот или иной философ покажется «чудаком» (как Хомяков, который напоминает Айзека Бромберга, придуманного Стругацкими). «Чудаковатость» — обратная сторона величия; любой серьезный историк науки не боится ее как части правды жизни».

К. С. Малеев, младший научный сотрудник Института философии АН УССР (Киев):

«Говоря о возвращении истории философии (хотя бы в общеобразовательном объеме) широкому кругу читателей, следует, на мой взгляд, обратить внимание на то, что современная литература, в том числе и работы историко-философских циклов издательства «Знание», останавливаются в большинстве своем лишь на одном срезе самой истории философии. Имеется в виду ориентация в первую очередь на открытие тех или иных имен и на общие характеристики различных учений. Таким образом, читателям открывается галерея философских портретов.

Но такая постановка не содержит в себе истории мысли, ее движения. Портреты и учения, вырванные из контекста развития мировой мысли, оказываются в значительной степени безжизненными и оживают лишь в той мере, в какой те или иные идеи того или иного автора оказываются напрямую связанными с проблемами и бедами сегодняшнего дня. А поскольку такого рода идеи далеко не всегда составляли основу различных мировоззрений, то в массовом сознании поддерживается страсть к бесконечному цитированию, когда цитаты из наследия того или иного мыслителя подменяют собой все его наследие.

Как же приблизиться к открытию широкой читающей аудиторией движения философской мысли в ее истории и оживить тем самым ту галерею философских портретов, которая становится доступной читателю уже сейчас? На мой взгляд, хотя задача эта и крайне сложная, необходимо часть брошюр посвятить развитию тех или иных идей в определенный период времени, философским

спорам, которые стимулировали создание тех или иных учений, и, конечно же, аргументам «за» и «против» тех или иных ответов на мучившие или мучащие человечество вопросы.

Мне кажется, что очень полезно было бы (в том числе и для того, чтобы лучше разбираться в сегодняшних проблемах), рассмотреть развитие решения вопроса о единстве духовных проявлений человека и мира в немецкой класоической философии, столкнуть вновь старые аргументы славянофилов и западников, пережить заново рождение новой онтологии Хайдеггера и феноменологии Гуссерля.

Особо важными в контексте вышесказанного и в свете задачи нашего самоопределения по отношению к мировой истории представляются разногласия внутри марксистской общественной мысли по поводу вопросов, связанных с выбором путей, средств и целей социальной революции и конкретно разногласия по этому поводу в стане большевиков. Характеристика того или иного направления развития марксистской мысли, того или иного теоретика становится практически бессодержательной, коль скоро эта характеристика вырывается из контекста полемики. И если в последнее время читающая публика имела возможность хотя бы в общих чертах познакомиться с разногласиями Сталина и Бухарина, то до сих пор практически неосвещенными остаются полемики между большевиками и Плехановым, Лениным и Мартовым, Троцким и Сталиным».

Н. В. Шелковая, аспирантка кафедры философии Харьковского государственного университета.

«Ветер обновления, дующий в нашем обществе, коснулся и издательства «Знание». В брошюрах серии «Философия» стало больше интересных тем, открылись циклы «Страницы истории отечественной философской мысли» и «Зарубежная философия в прошлом и настоящем». Наконец приоткрыта завеса над именами и учениями русских философов В. С. Соловьева, А. С. Хомякова, П. А. Флоренского; осуществлена попытка перехода от отрицания западной философии к ее справедливой критике (например, творчества З. Фрейда). Однако наряду с интересными работами, каковыми являются, несомненно, брошюры о В. С. Соловьеве и П. А. Флоренском, в целом форма и содержание большинства работ остаются верными сложившимся ранее в советской философии стереотипам, которые препятствуют привлечению к философии широкого круга почитателей.

В брошюрах о Флоренском, о Фрейде содержится анализ далеко не наиболее значимых идей этих мыслителей. Например, недостаточно внимания уделяется изложению сущности психоанализа З. Фрейда, отсутствует анализ учения Флоренского о духе, личности, софии и любви, изложенного им в его капитальном труде «О духовной истине». Это не имело бы особого значения, если бы все работы этих и других русских и западных философов были

хорошо известны. Но если учесть, что их учения впервые после длительного молчания или искажения представлены широкому читателю, целесообразно было бы сначала излагать главную и ведущую идею учения каждого, а в последующих обращениях к их наследию уже раскрывать те или иные аспекты этих учений, а не делать это сразу, когда читатель еще не имеет представления о том или ином учении как о целостности.

Хотелось бы, чтобы в ближайшее время советский читатель смог познакомиться с творчеством таких русских философов, как Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, и другими.

Несколько пожеланий по форме изложения. Известный афоризм «Детям надо писать так же, как и для взрослых, только лучше» необходимо применять и к брошюрам издательства «Знание». Для непрофессионалов-философов надо писать так же, как и для профессионалов, только лучше. Существующая же наукообразность формы изложения, сочетающаяся со стремлением изложить материал популярно, так как он рассчитан не только на философов, нередко приводит к примитивизации. Представляется, что восстановление утерянной нами великолепной формы доступного изложения глубоких мыслей философского эссе может помочь обретению утраченного уважения к философии у широкого круга читателей».

С. И. Грабовский, ассистент кафедры философии Киевского торгово-экономического института:

«Мы слишком долго полагали, что можно выбирать: от какого наследства отказаться, от какого — нет. Отказаться ни от чего нельзя (ни от достижений, ни от преступлений прошлого). Можно и нужно постепенно преодолевать не только следствия, но и причины произошедших трагедий, дабы не допустить их повторения. Но отмахиваться ни от чего нельзя. Тем более если речь идет о культуре, которая только и является опорой человеческого бытия, тем единством Вечного и Нового, во взаимопереливе которых и рождаются гуманистические идеи и стремления. Изуродованная ножницами цензора культура рождает столь же увечное состояние человеческого духа — антигуманизм.

Актуализация историко-философского наследия, вращение его в живую ткань современных духовных процессов, как представляется, не есть самоцель. Самоцель — это культура, это сам цельный человек. Но коль скоро мы признаем, что люди весьма и весьма разнятся, коль скоро личные и социальные проблемы перед ними встают по-разному, то и работа по возрождению историко-философского наследия должна учитывать эту разность. Мне кажется, пока что в брошюрах серии «Философия» используются не все возможности «вживления» достижений мыслителей прошлого в современные философско-мировоззренческие поиски.

В самом деле, если за последнее время мы смогли прочитать

ряд брошюр, или открывающих аудитории «изъятого» надолго из культуры мыслителя, или восстанавливающих подлинно научное отношение к «разоблаченному» ранее «буржуазному апологету», если в ряде других брошюр мы встречаем интересные историко-философские экскурсы в сущность исследуемой проблемы, наконец, если все это может служить (и служит!) хорошей помощью в образовательном процессе, то работ другого рода практически нет. Я имею в виду прежде всего такие произведения, где происходит как бы короткое замыкание истории философии на современность, где мыслители прошлого говорят с нами о наших же проблемах, где непосредственно (но без вульгаризации и ложного «осовременивания») происходит восстановление связи времен и культура предстает как нечто, существующее, говоря словами М. Бахтина, «здесь—теперь». Наконец, не надо забывать, что историко-философское произведение может быть написано и «для души». Я понимаю, что понятие «душа» является чем-то не очень приличным в нашем философском лексиконе, но душевный и бездушный человек — это реальность, хотя и определить душу логически непротиворечиво весьма трудно. То есть брошюры серии, как мне представляется, должны обратиться и к органичному для славянской культуры художественно-философскому осмыслению мира.

Именно в отечественных философских традициях и таятся огромные резервы (слово слишком ИТР-овское, но что поделаешь) повышения всеобщей философско-мировоззренческой культуры. Приятно отметить, что брошюры серии, посвященные Вл. Соловьеву, П. Флоренскому, не опоздали, ответили на многие вопросы жаждущих философского слова. Но ведь не только «серебряный век» российской культуры представляет интерес. Нового прочтения требует, по-моему, гуманистическая диалектика недопонятого и современниками, и нами, потомками, А. И. Герцена. Марксистская традиция также представляет существенный интерес. Героический и трагический путь духовного развития Э. В. Ильенкова, богатейшие идеи С. Л. Рубинштейна — разве они не заслуживают специального обращения к ним?

Наконец, отечественные традиции — это не только русская, но и иные философии народов СССР. Думаю, были бы интересными работы о мыслителях Украины конца XIX — начала XX столетия, малоизвестных всесоюзному читателю или охарактеризованных как «недопонявшие», «отступившие», «впавшие в ...». А между тем речь идет о периоде осмысления социальной философии марксизма с позиции украинской культуры, о вхождении этой философии в ткань культуры. Великий писатель, а еще и доктор философии И. Франко неоднократно обращался к анализу путей социального развития, предупреждал об опасности тоталитарного социализма, где все сыты, но раздавлена личность. В. Винниченко, теоретик и лидер украинских социал-демократов, один из популяр-

нейших писателей России начала XX в., кроме глубоких культурологических исследований, оставил нам и богатейший арсенал идей «нового мышления», касающихся как внешней, так и внутренней жизни страны, идей, сформулированных за десятилетия до начала перестройки. Наконец, 20-е гг. на Украине, когда формировалась весьма интересная школа «феноменологического марксизма», одним из лидеров которой был В. Юринец, прошедший обучение у Гуссерля... Не будем терять свое наследие!

Ю. Н. Мартынюк, доцент Симферопольского университета.

Сам факт обращения серии «Философия» издательства «Знание» к философскому наследию, которое излагается доступным широкому читателю языком, весьма положителен.

Во-первых, период демократизации нашего общества, приобщения народа к проблемам политики, экономики, права, морали не может не сопровождаться интересом широкого читателя к вопросам методологии, мировоззрения, потребностью снять с философии налет элитарности, приблизить ее к жизни.

Во-вторых, преодоление старых догм позволило снять запрет с ряда культурных достижений прошлого, которые и по сей день не известны читателю в нашей стране. Возврат читателю ряда философских концепций прошлого — не просто дань времени, это позволит найти в них невостребованные актуальные для страны подходы и решения.

Однако хотелось бы высказать и пожелание редакции. Когда речь идет о популяризации взглядов философов, склонных к идеализму, то здесь важно учесть, что открытия современной науки (в области биологии, физиологии, психологии, астрономии, кибернетики...) позволяют материалистически переосмыслить эти взгляды. Тогда они начинают играть и высвечиваться по-новому, выполняя эвристическую функцию.

Это будет в соответствии с ленинским требованием уметь читать великих идеалистов прошлого материалистически. Так, сегодня мы пристальнее присматриваемся к идее русских и западных философов о разумной Вселенной, которой присуща собственная логика развития. Глубже осмысливается и естественное, адаптивно-целесообразное начало в человеке, его природная составляющая, связывающая его со всем мирозданием.

Преодоление чисто вульгарно-социологизаторского подхода к человеку позволит глубже уяснить значение общечеловеческих ценностей, а ориентация на природную составляющую его сущностных сил может способствовать составлению эффективных экономических, производственных, экологических, продовольственных и даже политических программ нашего общества».

* * *

В своей дальнейшей работе над брошюрами историко-философских циклов редакция, безусловно, постарается учесть пожелания участников беседы и других наших читателей.

...Жизнь подсказывает все новые формы подачи материалов, знакомящих с достижениями мировой философской мысли. 11-й номер серии в прошлом году был посвящен проблеме «Человек в настоящем и будущем» Причем там были показаны взгляды философов целого ряда стран, нескольких континентов. Нам представляется такая форма пропаганды философских знаний перспективной. А как смотрите на это вы, наши читатели?

Кроме того, редакция намеревается издавать в серии «Философия и жизнь» «Философские словари» (ежегодно по одному номеру). Каково ваше мнение по поводу целесообразности издания в серии подобного рода календаря и какие у вас будут предложения по его структуре и формам подачи материалов?

Из редакционной почты

В июле прошлого года редакция получила такое письмо из Киева:

«Здравствуйте, товарищи! Приобрел очередной номер (№ 6) вашей серии: Э. А. Гурин, С. И. Грабовский «Философия и жизнь». Решил твердо — читать не буду, даже если брошюра и содержит что-то ценное. Оттолкнуло от нее обилие ссылок на классиков: Ленина, Маркса, Энгельса, цитат, на которых держался и продолжает держаться треп, ложь, авторитаризм в области мышления.

С уважением Гринев В. Г.»

Письмо было показано авторам упомянутой брошюры. В ответ они написали следующее:

«Мы заинтересованно относимся к любым критическим замечаниям по поводу тех или иных положений, высказанных нами и представленных на суд читателей.

Однако ваше письмо вызывает потребность сделать несколько уточняющих замечаний, которые, как нам представляется, помогут прояснить суть поднимаемого вами вопроса об «обилии ссылок на классиков марксизма».

Безусловно, цитатничество, подмена логики размышления «непробиваемыми» авторитетами и т. п. являются неприемлемыми для философии. Комментаторство кем-то раз и навсегда добытых «священных истин» есть мертвая схоластика, и об этом как раз говорится в нашей брошюре. Но согласитесь, цитирование необходимо для того, чтобы охарактеризовать позицию того или иного мыслителя по рассматриваемой проблеме. И в этом смысле взгляды К. Маркса и В. И. Ленина должны стать предметом такого же научного (а не апологетического, как было принято раньше) иссле-

дования, как и взгляды других авторов. Без всяких скидок на «классиков». А здесь, согласитесь, без цитирования никак не обойтись. И потому в данной брошюре выяснение сути рассматриваемых вопросов (прежде всего — о социальной роли марксистской философии) невозможно совершить без обращения к текстам основоположников этого философского направления.

Кроме того, брошюра построена в форме диспута между философом-гносеологом, философом-политологом и философом-культурологом, представляющими, как нам кажется, основные достаточно автономные области советской философии, в точке соприкосновения которых и ведется поиск истины. Ни один из отмеченных подходов не обладает монополией на истину; лишь во взаимодействии, в диалоге она (истина) начинает открываться во всей своей многогранности. А коль скоро избран подобный прием философского диалога, то необходима и индивидуализация позиций его участников, их терминологического арсенала, способов доказательства и т. п. Подход к цитированию произведений К. Маркса и В. И. Ленина, как нам представляется, у участников «воображаемого диспута» достаточно характерен для представителей соответствующих линий нашей философии: гносеолог 3 раза ссылается на эти произведения, политолог — 14, культуролог — ни разу (он цитирует, к примеру, С. Аверинцева и А. Лосева). Эту сторону дела, очевидно, вам также следовало бы учесть.

Наконец, вы пишете, что под знаменами Маркса и Ленина делалось зло, распространялась ложь и т. д. Это действительно так. И не случайно сейчас идет дискуссия о том, было ли что-то в теории марксизма, что способствовало появлению сталинщины, что было Сталиным искажено в целях идеологического обеспечения преступлений своего режима (этот вопрос затрагивается и в нашей брошюре). Однако во всех случаях не следует, тем более «с ходу», со всего размаху, отвергать целиком и полностью марксизм, его гуманистический потенциал. Это было бы проявлением того самого «черно-белого» догматического мышления, которое столь навредило всем нам в прошлые годы и столь тормозит сейчас движение вперед. Ведь не отказываемся же мы от Гегеля из-за того, что некоторые его положения использовал (и естественно, в результате исказил) гитлеризм, не обвиняем же мы Иисуса Христа в злодеяниях Лойолы и Торквемады!

С уважением Э. Гурин, С. Грабовский».

Редакция солидаризируется с мнением своих авторов. Действительно, мы должны четче определить место и роль К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в истории человечества и истории философии, по-новому, не догматически прочесть многие страницы их произведений, но вычеркнуть их из-за того, что под флагом их теории творились темные дела, было бы неверно. Иначе мы (как

отмечал на упоминавшейся выше школе молодых философов доктор философских наук В. М. Межуев) уподобимся детям, которым дали игрушку: они играли в нее 70 лет, ничего не поняли, поломали и выбросили.

В адрес редакции пришло еще одно письмо критического содержания (от А. Иванова из Новосибирска, июль 1989 г.):

«В шестом номере вашей серии за этот год (1989. — **Ред.**) узнал, что разрабатывается тематика и обсуждаются организационные вопросы Банка философских идей, материалы которого будут печататься в приложении к брошюрам серии «Философия и жизнь».

Ровно четыре года назад идея Банка прозвучала со страниц журнала «Химия и жизнь» (1985. — № 6. — С. 2). В. Н. Третьяков предложил создать Банк научных идей как систему коллективного пользования, обеспечивающую переход от экстенсивного к интенсивному развитию науки и позволяющую более эффективно использовать интеллектуальный потенциал страны.

Идее Банка предшествовала дискуссия о дилетантстве и профессионализме в науке (Химия и жизнь. — 1982. — № 10. — С. 84; 1983. — № 6. — С. 45; 1984. — № 1. — С. 83), суть которой: могут ли любители, не являющиеся специалистами в данной области знаний, выдвигать действительно полноценные гипотезы, способные внести в эту область какой-нибудь заметный вклад? Как правильно замечает В. Т. Золотарь, «гипотеза — это не утверждение, а научно обоснованное предположение... именно обоснованные рабочие гипотезы, а не утверждения вносят вклад в развитие науки и техники». Нужно ли в таком случае ограничивать авторов идей (тем более философских) двумя машинописными страницами? Не превратится ли по этой причине ваш Банк в разновидность интеллектуальной игры, может быть, и полезной, но... Игра есть игра, а авторы действительно заслуживающих внимание идей (даже дилетанты) вряд ли захотят превращать свои идеи в игрушки. По этому поводу было бы интересно узнать, много ли ценных идей поступило за эти четыре года в редакцию журнала «Химия и жизнь», — там «идеи должны (были) быть сформулированы кратко, в одном-двух предложениях.

Что из этой затеи получится у вас — покажет время. Пока же, судя по уже утвержденным для Банка философских идей темам, ждать чего-то серьезного от публикации таких идей в приложении к брошюрам не приходится. Прошу меня простить, но вы размениваетесь по мелочам. Философия — это не проблемы внеземных цивилизаций и не проблемы прогнозирования будущего. В философии своих проблем хватает — это проблемы категорий марксистской диалектики: идеального, объективного и субъективного, свойства, качества, количества, меры и т. д. Поэтому хочу присоединиться к пожеланиям участницы сентябрьской (1988) бе-

седы за «круглым столом» в Симферополе Е. Е. Соколовой, предлагающей освещать эти проблемы на страницах ваших брошюр (см.: серия «Философия». — 1989. — № 6. — **Прим. ред.**).

Мне кажется, авторы действительно фундаментальных идей вряд ли воспользуются услугами вашего Банка. Тем более что в настоящее время для авторов-дилетантов появилась реальная возможность пристроить свои «бездомные», «незаконнорожденные» идеи. Как сообщила газета «Социалистическая индустрия» от 8 июля 1989 г., в Гомеле открылись двери клуба фундаментальных естественнонаучных идей «Фенид», имеющего свой печатный орган. Так что у вашего Банка есть уже свой серьезный конкурент!».

Да, по всей вероятности, наш Банк философских идей (во всяком случае, поначалу) будет чем-то похож и на интеллектуальную игру (которая, как тов. А. Иванóв и сам отмечает, небесполезна), но позднее, может быть, эта «игра» перерастет в информацию о серьезных, фундаментальных достижениях наших читателей в области философии, ее законов и категорий, (почему-то вспомнилось из А. Н. Некрасова: «Прийдет, прийдет ли времячко? — прийди, прийди, желанное»...) Но пока мы все-таки решили помещать в приложениях соображения наших читателей на темы, интересующие широкую аудиторию, на темы, которые сейчас обсуждаются и в печати, и в домашнем кругу (вспомним новое название серии). Философским законам и категориям в серии мы посвящаем ежегодно специальные брошюры.

Что касается объема предполагаемых материалов, то ведь речь идет о гипотезах, когда же у наших авторов идей будет серьезный научный задел, речь уже пойдет по меньшей мере о брошюре в нашем издательстве (например, в цикле «Эврика» серии «Философия и жизнь»).

Относительно конкурентов: их наличие лишь подтверждает актуальность и целесообразность наших намерений.

Надо сказать, что после объявления об открытии Банка философских идей мы получили большую почту. И в письмах сторонников Банка содержатся аргументы «за», которые могут служить ответом на письмо тов. А. Иванова.

«В связи с предложением Л. А. Полыковского, напечатанным в № 12 за 1988 г. серии «Философия», хочу высказать свое мнение, — пишет А. Г. Шпанов из Дивногорска Красноярского края.

Идею БФИ как дискуссионного центра полностью поддерживаю. Хочу высказаться за дискуссию дилетантов.

Для развития зародившихся у человека идей на определенном этапе очень важна публичная дискуссия, которая бы позволяла подняться на новый уровень внутренней самоорганизации этих идей и рефлексии по отношению к ним, осуществить их всестороннее рассмотрение и оценку. Вне дискуссии сделать это практически невозможно. Она же позволяет развернуть достаточно широкий

спектр взглядов, подходов, способов решения определенных философских проблем и непосредственно осуществить конкретное философское сотворчество. Здесь-то как раз и нужен заинтересованный ведущий, достаточно компетентный профессионал. Возможно, что в значительной своей части мы дремучие дилетанты, но в нас есть одно, все оправдывающее качество, а именно то, что мы стараемся преодолеть свой дилетантизм, что в нас живет страстное желание к **самостоянию** в своем мышлении, в своих действиях и поступках. То, что через философию мы стремимся прийти к более глубокому своему общественному и родовому самосознанию, думаю, для общества не должно быть безразлично, ибо здесь в определенной мере также закладывается своего рода генетическая основа его дальнейшего развития и освобождения от варварства, невежества и беспутства, в плену которых оно мучалось, прозябало и изнемогало. Только через самостояние формируются действительно активные члены общества, без которых последнее не может преодолеть порочное наследие своего прошлого.

И разве не общественный ваш долг как редакции использовать любую возможность для содействия формированию такого самостояния человека?»

Вот письмо из г. Павлодара.

«Уважаемый редактор!

Думается, что если принять за основу то, что я и вы и в вашем лице редакция серии — за перестройку, придется принять факт сдерживания этого благотворного процесса из-за крайне слабой возможности опубликовать свое мнение-исследование. В нашем случае исследование в области философской.

Искренне поддерживаю идею Банка философских идей.

С уважением Г. А. Матвеев».

«В брошюре серии «Философия» № 12, 1988 г. опубликованы предложения Л. А. Полыковского о Банке философских идей. Я считаю, что эта инициатива заслуживает поддержки. БФИ может стать средством активизации творческого поиска в области философии, что так важно в условиях перестройки всех сфер жизни страны». (А. К. Манеев, г. Минск).

Уважаемые читатели! В пятом номере серии «Философия и жизнь» мы открываем Банк философских идей.

Напоминаем, что наш Банк на данном этапе является своего рода интеллектуальной игрой: здесь печатаются философские гипотезы, размышления не только специалистов в той или иной сфере

деятельности, но и дилетантов. Ведь целью нашего Банка является предоставление нашим читателям возможности обменяться своими соображениями относительно некоторых волнующих современного человека проблем. Как знать, может быть какие-то из этих гипотез впоследствии станут основой научных теорий...

Как мы Вам уже сообщали, присланные для Банка рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Желающих принять участие в работе Банка просим присылать напечатанный на машинке текст (в двух экземплярах, в том числе — первый) на 2—3 страницах (через два интервала).

Гонорар за опубликованный материал не выплачивается.

Мы просим извинить нас за этот ряд ограничений, но пока в силу ряда причин работа Банка не может быть поставлена «на широкую ногу».

Материал подготовлен
редактором серии «Философия и жизнь»
Л. К. Кравцовой

Научно-популярное издание

Абдумалик Нысанбаевич НЫСАНБАЕВ,
Фарит Мустафович СУЛЕЙМАНОВ

ОТ «ЕДИНОМЫСЛИЯ» К ПЛЮРАЛИЗМУ МНЕНИЙ
(Беседы о путях к социальному диалогу)

Гл. отраслевой редактор Ю. Н. Медведев
Редактор Л. К. Кравцова
Мл. редактор С. А. Рубан
Техн. редакторы А. М. Красавина, О. А. Найденова
Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 10641

Сдано в набор 19.12.89. Подписано к печати 08.02.90. Формат бумаги $70\times108^1/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,69. Тираж 29 201 экз. Заказ 2214. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 901003.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

15 коп. Индекс 70065

Издательство
«Знание»

Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4